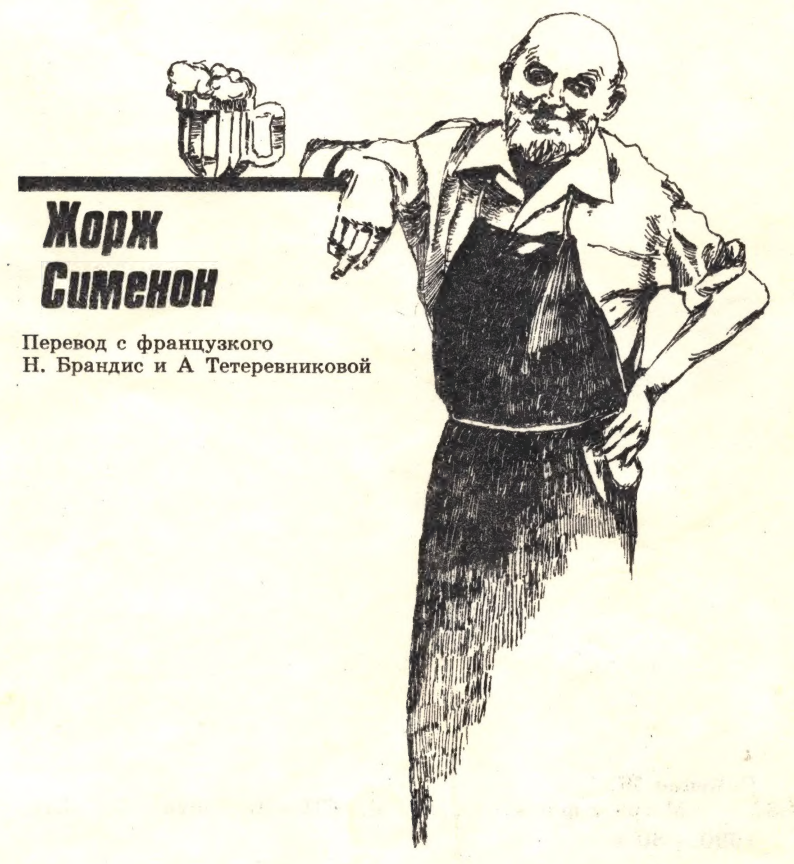
ДЕТЕКТИВ

Жорж Сименон

Мегрэ у фламандцев

Мегрэ у фламандцев

Жорж Сименон

Перевод с французского
Н. Брандис и А Тетеревниковой

Свердловск
1990

ББК 84.4
С37.

Издание подготовлено совместно со Свердловским творческо-производственным объединением «Старт».

Сименон Ж.
С37 Мегрэ у фламандцев.— М.: СП «Интербук», С.: «Старт», 1990.—80 с.

С $\frac{4730000000-066}{945(01)-91}$ без объявл. ББК 84.4

ISBN 5-7664-0571-5

Глава первая

АННА ПИТЕРС

Когда Мегрэ сошел с поезда на вокзале в Живе, первой, кого он увидел, была стоявшая напротив его вагона Анна Питерс.

Можно было подумать, что она точно рассчитала, в каком месте он должен выйти на перрон. При этом лицо ее не выражало ни радости, ни удивления. Она была такой, какой он видел ее в Париже, такой, какой она выглядела, по-видимому, всегда. На ней был темно-серый костюм, черные туфли, а на голове такая неинтересная шляпка, что, как Мегрэ потом ни пытался, он не мог вспомнить ни ее цвета, ни формы.

— Я была уверена, что вы приедете, господин комиссар.

Была она уверена в себе или в нем? При встрече с ним она не улыбнулась и сразу спросила:

— У вас есть еще багаж?

Нет! У Мегрэ был только чемодан из грубой кожи, довольно увесистый, но он нес его сам.

На этой станции из поезда вышли только пассажиры третьего класса, которые уже успели разойтись.

— Я сначала хотела приготовить для вас комнату в нашем доме, но, подумав, решила, что разумнее будет, если вы остановитесь в гостинице. Тогда я заказала для вас лучший номер в отеле «Мёза».

Мегрэ, тяжело ступая, тащил чемодан. Он рассматривал все вокруг: дома, людей, а особенно свою спутницу.

— Что это за шум?— спросил он, услышав какой-то гул и не понимая, в чем дело.

— Это Мёза вышла из берегов, и вода бьет о пилоны моста. Вот уже три недели, как навигация прервана...

Они прошли через переулок, и перед ними внезапно возникла река, широкая, с неясно очерченными берегами. Вода, местами коричневая, широко разлилась по лугам. Вдалеке виднелся затопленный сарай. Не менее сотни баржей, буксиров, катеров стояли вплотную друг к другу, образуя плотную стену.

— А вот и ваш отель... Он не слишком комфортабельный... Может быть, хотите зайти к себе в номер и принять ванну?

Мегрэ не мог определить, какое она на него произвела впечатление. Никогда еще ни одна женщина не вызывала в нем столько любопытства, как эта. Она была спокойна, не улыбалась, не пыталась казаться привлекательной и только изредка прикладывала к носу платок.

Ей было, вероятно, лет двадцать пять — тридцать. Выше среднего роста, крепко скроенная, костистая, совершенно лишенная грации.

Одежда мещанки, удивительно неприхотливая. Манера держаться — спокойная, почти изысканная. Это она принимала его в своем городе. Она была у себя дома. Она все предусмотрела.

— Я не вижу необходимости сейчас брать ванну.

— Тогда не угодно ли вам будет пройти прямо к нам? Отдайте ваш

чемодан посыльному. Гарсон! Отнесите этот чемодан в третий номер... Мсье скоро придет.

А Мегрэ, наблюдая за ней краем глаза, подумал: «Должно быть, я выгляжу идиотом!»

Ведь он отнюдь не походил на мальчика. И если она совсем не казалась хрупкой, то он был по крайней мере вдвое шире ее, а его толстое пальто придавало ему такой вид, словно он был высечен из камня.

— Вы не очень устали?

— Да я совсем не устал!

— В таком случае, я могу уже по пути дать вам первые показания.

Первые показания! Он получил их от нее еще в Париже! Однажды, явившись к себе в кабинет, он застал незнакомку, ожидавшую его уже два или три часа; служителю не удалось ее выдворить.

— Это дело сугубо личное,— заявила она, когда Мегрэ стал задавать ей вопросы в присутствии двух инспекторов.

А когда они оказались с глазу на глаз, она протянула ему письмо. Мегрэ узнал почерк одного родственника его жены, который жил в Нанси.

«Мой дорогой Мегрэ!

Ко мне обратился мой шурин, который знает мадемуазель Анну Питерс уже лет десять. Это очень серьезная девушка. Она сама поведает тебе о своих горестях. Сделай для нее, что сможешь».

— Вы живете в Нанси?

— Нет, в Живе!

— Однако ж, это письмо...

— Я специально заехала в Нанси перед тем, как отправиться в Париж. Я знала, что мой родственник знаком с каким-то важным лицом в полиции...

Это была необычная посетительница. Она не опускала глаз, держалась совсем не робко. Говорила отчетливо и смотрела прямо перед собой, словно требовала то, что ей полагалось по праву.

— Если вы не согласитесь заняться нашим делом, мои родители и я, мы погибли, и это будет самая ужасная судебная ошибка...

Слушая ее рассказ, Мегрэ делал заметки. Это была довольно путаная семейная история.

Семья Питерсов держала бакалейную лавку на бельгийской границе. Трое детей... Анна, помогавшая родителям торговать... Мария — учительница; и Жозеф — студент, изучавший право в Нанси...

У одной местной девушки родился ребенок от Жозефа... Ребенку уже три года... И вот эта девушка вдруг исчезает. Питерсов обвиняют в том, что они либо убили ее, либо куда-то упрятали...

Мегрэ не следовало вмешиваться в это дело. Им уже занимался его коллега из Нанси. Комиссар дал ему телеграмму и получил категорический ответ:

«Вина Питерсов бесспорна точка ближайшее время арест».

Это решило дело. Мегрэ приехал в Живе не по служебным делам, без официального поручения. И уже на вокзале попал под опеку этой Анны, которая не давала ему возможности даже оглядеться вокруг.

* * *

Течение было бурное. Вода била шумными волнами о каждую опору моста и гнала по реке целые деревья.

Ветер, прорвавшийся в долину Мёзы, дул против течения, поднимал воду, создавая настоящие волны, как на море.

Было три часа дня. Чувствовалось, что скоро стемнеет.

По почти пустынным улицам гулял ветер. Редкие прохожие шагали быстро, и не одна только Анна прикладывала к носу платок.

— Взгляните на этот переулок, налево...

Девушка на минуту остановилась и спокойным жестом указала на второй дом от угла. Бедный дом, всего лишь в два этажа. Сквозь одно из окон виднелся слабый свет.

— Вот здесь она живет!

— Кто?

— Жермена Пьетбёф... Девушка, которая...

— Та, у которой от вашего брата ребенок?

— Если это его ребенок! Это совсем еще не доказано... Посмотрите!..

На пороге стояла какая-то пара: девушка с непокрытой головой, наверное, работница с завода, и обнимавший ее мужчина. Он стоял спиной к переулку.

— Это она?

— Да нет же, ведь она исчезла... Но эта одного с ней поля ягода... Вам понятно? Ей удалось убедить брата...

— Ребенок на него не похож?

— Ребенок похож на свою мать,— сухо заметила она.— Пойдемте. Люди здесь следят из-за занавесок...

— У нее есть семья?

— Отец ночной сторож на заводе, и брат Жерар...

В памяти комиссара с тех пор запечатлелся маленький домик, и в особенности освещенное тусклой лампой окно.

— Вам не приходилось бывать в Живе?

— Проезжал однажды, но не останавливался.

Бесконечная, очень широкая набережная с квадратным причалом для баржей. Несколько складов. Низкое здание, над которым развевается флаг.

— Это французская таможня... Наш дом подальше, возле бельгийской...

Всплески волн были столь яростны, что баржи ударялись одна о другую. Распряженные лошади пощипывали редкую травку.

— Вы видите свет?.. Это уже наш дом...

Таможенник молча посмотрел на них. В группе стоявших тут же речников послышалась фламандская речь.

— Что они говорят?

Она ответила не сразу, впервые отвернувшись от него.

— Говорят, что правды никогда не узнают.

И она зашагала быстро, согнувшись, чтобы противостоять ветру.

Это уже был не город. Это была область пароходов, таможни, грузов. То здесь, то там горели, раскачиваясь на ветру, фонари. На одной из баржей хлопало развешанное белье. На берегу играли ребятишки.

— Ваш коллега явился к нам еще вчера и сообщил по поручению следователя, что мы не имеем права никуда уезжать... Вот уже четвертый раз у нас производят обыск, искали даже в цистерне...

Они уже подошли близко. Дом фламандцев был отчетливо виден. Довольно большое здание на берегу реки, в том месте, где стояло особенно много судов. Поблизости ни одного дома. Только в ста метрах отсюда контора бельгийской таможни, рядом с которой возвышался трехцветный столб.

— Угодно вам будет войти?

Зазвенел колокольчик. И с самого порога их окутало теплом спокойной домашней атмосферы, где царили запахи корицы и молотого кофе. Пахло также бензином и можжевеловой водкой.

За выкрашенным в темно-коричневый цвет деревянным прилавком стояла седая женщина в черной блузке и говорила с фламандкой, державшей на руках ребенка.

— Пройдите, пожалуйста, сюда, господин комиссар.

Мегрэ успел заметить полки, тесно заставленные товарами. Он обратил внимание на бутылки с водкой, которые стояли в конце прилавка, там, где он был обит оцинкованным железом.

Они прошли через другую застекленную дверь, на которой висела портьера, потом пересекли кухню. У самого очага в плетеном кресле сидел старик.

— Вот сюда...

Еще коридор, здесь уже прохладнее. Еще одна дверь. Мегрэ не ожидал, что в этом доме могла быть такая комната. Это была одновременно и гостиная, и столовая. Мегрэ увидел рояль, футляр для скрипки, натертый паркет, комфортабельную мебель, репродукции картин на стенах.

— Дайте мне ваше пальто...

Анна повесила пальто Мегрэ в коридоре и вернулась в комнату.

Стол уже был накрыт: скатерть в крупную клетку, серебряные приборы, чашки из тонкого фарфора.

— Вы не откажетесь что-нибудь выпить?

В белой шелковой блузке она имела вполне домашний вид.

И формы у нее были довольно округлые. Почему же, в таком случае, она не казалась женственной? Трудно было представить ее в кого-то влюбленной, еще труднее вообразить, что кто-то влюблен в нее.

Анна принесла кипящий кофейник, налила три чашки. Потом снова исчезла и появилась с рисовым пудингом.

— Садитесь, господин комиссар... Моя мать сейчас придет.

—Это вы играете на рояле?

— И я, и сестра... Но у нее меньше свободного времени, чем у меня... По вечерам она проверяет тетради учеников.

— А кто играет на скрипке?

— Мой брат...

— Его сейчас нет в Живе?

— Он скоро должен быть... Я предупредила его о вашем приезде.

Она нарезала пудинг и, не спрашивая разрешения, положила кусок на тарелку гостя. Вошла мадам Питерс. Скрестив руки на животе, она приветствовала Мегрэ робкой улыбкой, полной меланхолии и покорности.

— Анна сказала мне, что вы любезно согласились...

Она больше походила на фламандку, чем ее дочь, и даже сохранила легкий акцент. Черты лица были тонкие, а белые волосы придавали ей известное благородство. Она села на кончик стула, словно привыкла, что ее в любую минуту могут потревожить.

— Вы, должно быть, проголодались после путешествия... А я совсем потеряла аппетит с тех пор...

Мегрэ подумал о старике, оставшемся в кухне. Почему он не пришел, чтобы вместе со всеми отведать пудинга? Как раз в эту минуту мадам Питерс сказала дочери:

— Отнеси отцу пудинга...

А потом добавила, обращаясь к Мегрэ:

— Он почти не встает со своего кресла... И едва сознает, что происходит вокруг...

Здесь ничто не напоминало о драме. Напротив, казалось, что извне могли происходить самые ужасные события, но не нарушая спокойствия дома, где было так чисто и тихо, что слышалось гудение огня в печи.

Мегрэ, кладя в рот куски пудинга, задавал вопросы:

— В какой точно день это произошло?

— Третьего января... в среду...

— Сегодня у нас двадцатое...

— Да, но нас не сразу стали обвинять...

— А эта девушка... Как ее зовут?

— Жермена Пьедбёф... Она явилась около восьми вечера... Вошла в лавку, где ее встретила моя мать...

— А что она хотела?

Мадам Питерс сделала вид, что смахнула слезу.

— Как всегда... Жаловалась, что Жозеф к ней не приходит, не дает о себе знать... А ведь он так много работает!.. Уверяю вас, он заслуживает уважения за то, что не бросает занятий, несмотря ни на что...

— И долго она здесь оставалась?

— Минут пять... Мне пришлось попросить, чтобы она не кричала... Могли услышать речники... Тут вышла Анна и сказала, что ей лучше будет, если она уйдет...

— И она ушла?

— Анна вывела ее на улицу... А я пошла на кухню и убрала со стола...

— С тех пор вы ее не видели?

— Ни разу!

— И никто из местных жителей ее не встречал?

— Все говорят, что нет!

— Она не грозилась покончить с собой?

— Нет! Такие женщины с собой не кончают... Еще немножко кофе?.. Кусочек пудинга?.. Это Анна испекла...

Новая черточка прибавилась к облику Анны в глазах Мегрэ. А она невозмутимо сидела на своем стуле и наблюдала за комиссаром, словно они поменялись ролями, словно она служила в Париже, в полиции, а он был членом семьи фламандцев.

— Вы помните, что делали в тот вечер?

На этот вопрос, грустно улыбнувшись, ответила Анна:

— Нас столько раз спрашивали об этом, что пришлось вспомнить малейшие детали. Возвратившись, я поднялась в свою комнату за шерстью и собралась вязать. Когда я спустилась вниз, моя сестра сидела за роялем в этой комнате. К нам только что пришла Маргарита...

— Маргарита?

— Да, наша родственница... Дочь доктора Ван де Веерта... Они живут в Живе... Скажу вам сразу, потому что вы это все равно узнаете... Это невеста Жозефа...

В лавке зазвенел звонок, и мадам Питерс поднялась, вздыхая. Слышно было, как она довольно весело разговаривает по-фламандски с посетительницей.

— Это больше всего огорчает мою мать... Давно было решено, что Жозеф и Маргарита поженятся... Они обручились уже в шестнадцать лет... Но Жозефу нужно было закончить образование... И вот появляется этот ребенок...

— И, несмотря на это, они собирались пожениться?

— Нет! Только Маргарита ни за кого другого не хотела выходить замуж... Они по-прежнему любили друг друга.

— Жермена Пьедбёф это знала?

— Да! И она решила женить его на себе! Моему брату, чтобы не поднимать шума, пришлось обещать ей... Свадьба должна была состояться после экзаменов.

— Я вас спрашивал, как вы провели вечер третьего...

— Да... Так я уже сказала, что, спустившись вниз, застала в этой комнате мою сестру и Маргариту... До половины одиннадцатого играли на рояле... Мой отец, как обычно, в девять часов лег спать... А я с сестрой проводила Маргариту до моста...

— И вы никого не встретили?

— Никого. Было холодно... Мы вернулись домой... А на следующий день начались разговоры об исчезновении Жермены Пьедбёф... И только через два дня нам предъявили обвинение, потому что кто-то видел, как она вошла в нашу лавку... Сначала нас вызвал комиссар полиции, потом ваш коллега из Нанси... Видимо, мсье Пьедбёф подал жалобу... Обшарили дом, погреб, сараи, все... Даже перекопали землю в саду.

— Ваш брат не был третьего числа в Живе?

— Нет! Он приезжает только по субботам на мотоцикле... Изредка бывает и в другой день недели... Весь город ополчился против нас, потому

что мы фламандцы и у нас есть деньги...

Оттенок гордости прозвучал в ее голосе.

— Вы не представляете, чего только о нас не говорят!

В лавке снова зазвенел звонок, потом послышался молодой голос:

— Это я!.. Не беспокойтесь!..

Раздались торопливые шаги, и в столовой появилась очень женственная фигурка. Она направилась в глубь комнаты, но, увидев Мегрэ, остановилась.

— Ах! Простите... я не знала...

— Комиссар Мегрэ, он приехал помочь нам... Моя кузина Маргарита...

Маленькая ручка в перчатке очутилась в огромной руке Мегрэ...

— Анна сказала мне, что вы согласились...

Лицо ее было скорее очень тонкое, чем красивое. Его окаймляли мелкие завитушки белокурых волос.

— Говорят, вы играете на рояле?

— Да... Люблю музыку... Особенно, когда мне грустно.

Ее улыбка напоминала улыбку хорошеньких девушек на рекламных календарях. Надутые губки, глаза с поволокой, чуть склоненная набок головка.

— Мария еще не приходила?

— Нет, видимо, поезд опять опаздывает.

Хрупкий стул затрещал, когда Мегрэ попытался скрестить ноги.

— В котором часу вы пришли сюда третьего числа?

— В половине девятого... А может быть, немного раньше... Мы рано обедаем... У отца собрались друзья для игры в бридж.

— Была такая же погода, как сегодня?

— Шел дождь... Он шел всю неделю...

— Мёза уже разлилась?

— Половодье едва лишь начиналось... Но плотины прорвало только пятого или шестого... Еще ходили караваны баржей...

— Кусочек пудинга, господин комиссар?.. Не хотите?.. Тогда, может быть, сигару?..

Анна протянула коробку с бельгийскими сигарами и пробормотала, словно извиняясь:

— Это не контрабанда... Одна сторона нашего дома в Бельгии, другая — во Франции...

— В общем, ваш брат, во всяком случае, совершенно непричастен к делу, раз он был тогда в Реймсе...

Анна с раздражением в голосе возразила:

— Как бы не так! Один пьяница утверждает, что видел, как мотоцикл брата проехал по набережной... Он рассказал об этом спустя две недели... Как будто он мог вспомнить!.. Это дело рук Жерара, брата Жермены Пьедбёф... Ему делать нечего... Вот он и проводит время в поисках свидетелей... Подумайте, они хотят предъявить гражданский иск и потребовать триста тысяч франков.

— Где ребенок?

Раздался звонок, и мадам Питерс бросилась в лавку. Анна убрала пудинг в буфет, поставила кофейник на печку.

— У них.

А из лавки слышался голос речника, покупавшего можжевеловую водку.

Глава вторая

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Маргарита Ван де Веерт лихорадочно рылась в своей сумке, торопясь что-то показать.

— Ты еще не получила «Эхо Живе»?

И она протянула Анне вырезку из газеты. Анна передала бумажку Мегрэ.

— Кто тебя надоумил это сделать?

— Сама сообразила.

В газете было напечатано объявление:

«Просьба к мотоциклисту, который проезжал третьего января вечером по дороге вдоль Мёзы, дать о себе знать. Возможно хорошее вознаграждение. Обращаться в лавку Питерсов».

— Я не осмелилась дать свой адрес, но...

Мегрэ показалось, что Анна слегка раздраженно смотрела на свою кузину; она прошептала:

— Это идея... Но только никто не придет...

А Маргарита-то ждала поздравлений.

— А почему бы ему не прийти?— спросила она.— Ведь это был не Жозеф, и у него нет причин...

Через открытую дверь из кухни доносился шум закипающего чайника. Мадам Питерс накрывала на стол к обеду. С порога лавки раздались голоса, и обе девушки вдруг стали прислушиваться.

— Входите, прошу вас... Правда, мне нечего сказать вам, но...

— Жозеф!— вскочила Маргарита.

В ее голосе чувствовалась не просто любовь, а страстное обожание.

Теперь голос доносился уже из кухни.

— Здравствуй, мать...

И другой голос, более официальный:

— Простите меня, мадам, но мне нужно кое-что проверить, и я воспользовался приездом вашего сына...

Наконец оба мужчины показались в дверях столовой. Жозеф Питерс едва заметно нахмурился и произнес с преувеличенной нежностью:

— Здравствуй, Маргарита!

Она взяла его руку в свои.

— Не слишком устал, Жозеф? Настроение хорошее?

Анна же, более спокойная, обратилась к спутнику брата, указывая ему на Мегрэ:

— Комиссар Мегрэ, которого вы должны знать...

— Инспектор Машер...— представился тот, протягивая руку.— Это правда, что вы...

Инспектор был круглолицым человеком, жизнерадостным на вид. Но невозможно было разговаривать таким образом, стоя между дверью и накрытым столом.

— Хоть я сюда и приехал,— буркнул Мегрэ,— действуйте так, словно меня здесь нет.

Кто-то коснулся его руки.

— Мой брат Жозеф... Комиссар Мегрэ...

И Жозеф протянул длинную костлявую холодную руку. Он был на полголовы выше Мегрэ, хотя рост комиссара достигал ста восьмидесяти сантиметров. Но при этом Жозеф был такой тонкий, что, несмотря на его двадцать пять лет, казалось, будто он все еще растет.

Нос со сжатыми ноздрями. Синева вокруг усталых глаз. Светлые, коротко подстриженные волосы. По-видимому, у него было плохое зрение: он беспрестанно моргал, отворачиваясь от лампы.

— Рад вас видеть, господин комиссар... Я немного смущен...

Жозеф не был элегантен. Он снял забрызганный грязью плащ, надетый поверх плохо сшитого серого костюма.

— Я встретил его возле моста,— сказал инспектор Машер,— и попросил подвезти меня сюда на мотоцикле.

Затем он повернулся к Анне. Теперь он обращался только к ней, как если бы она была настоящей хозяйкой дома. Не видно было ни мадам Питерс, ни ее мужа, неподвижно сидевшего в своем плетеном кресле.

— Думаю, что у вас легко взобраться на крышу.

Присутствующие вопросительно посмотрели друг на друга.

— Можно через слуховое окно чердака,— заметила Анна.— Вы хотите?..

— Да, я хотел бы поглядеть, что там, наверху...

Для Мегрэ представился случай осмотреть дом. Натертая лестница так блестела, что приходилось следить, как бы не поскользнуться.

На площадку второго этажа выходили двери трех спален. Жозеф и Маргарита остались внизу. Анна шла впереди, и комиссар заметил, что она слегка покачивала бедрами.

— Мне нужно будет с вами поговорить,— шепнул инспектор.

— Сейчас.

И они поднялись на третий этаж. С одной стороны была мансарда, переделанная в комнату, никем не занятую, с другой — обширный чердак с ничем не закрытыми балками, где громоздились ящики и мешки с товарами. Чтобы добраться до слухового окна, инспектору пришлось влезть на два ящика.

— У вас есть чем посветить?

— Есть электрический фонарик...

Мегрэ не полез на крышу, но посмотрел в слуховое окно. Порывами налетал шквальный ветер. Слышался рокот Мёзы и смутно виднелись ее бурые волны.

Слева, у карниза, стоял цинковый бак емкостью не менее двух кубометров, к которому, не колеблясь, и направился полицейский. Бак, повидимому, был предназначен для сбора дождевой воды.

Машер наклонился, потом, явно разочарованный, выпрямился, еще несколько минут походил по крыше и снова наклонился, чтобы что-то поднять.

Анна молча стояла в темноте позади Мегрэ. Показались ноги инспектора, потом туловище, наконец, голова.

— О тайнике я подумал сегодня днем, узнав, что на крыше собирают в бак дождевую воду... Но трупа там нет...

— А что это вы подобрали?

— Носовой платок... Женский носовой платок...

Он развернул его, посветил своим фонарем, напрасно стараясь обнаружить инициалы. Носовой платок, очень грязный, видимо, долгое время лежал здесь под дождем.

— К этому мы вернемся позднее,— вздохнул инспектор, направляясь к двери.

* * *

Когда они снова очутились в столовой, то увидели, что Жозеф Питерс сидит на табурете возле рояля и читает объявление. Маргарита стояла возле него, и ее шляпа с широкими полями, пальто, украшенное мелкими воланами, еще больше подчеркивали ее воздушность.

— Не зайдете ли вы ко мне сегодня вечером в гостиницу?— обратился Мегрэ к Жозефу.

— В какую?

— В гостиницу «Мёза»!— вмешалась Анна.— Вы нас уже покидаете, господин комиссар? А я хотела, чтобы вы с нами пообедали, но...

Мегрэ уже проходил через кухню. Мадам Питерс с удивлением посмотрела на него.

— Вы уже уходите?

А у старика были совсем пустые глаза. Он курил пеньковую трубку и ни о чем не думал. Он даже не кивнул комиссару.

На улице дул ветер, шумели высокие волны на Мёзе, сталкивались пришвартованные рядом баржи.

— Вы думаете, Питерсы невиновны?— спросил инспектор Машер.

— Я еще ничего не знаю. Есть у вас табак?

— Только местный... Знаете, о вас много говорят в Нанси... И меня беспокоит, что... Потому, что эти Питерсы...

Мегрэ остановился перед баржами и окинул их взглядом. Благодаря половодью, прервавшему навигацию, Живе стал похож на большой порт.

— Надо будет купить фуражку!— буркнул комиссар, которому все время приходилось придерживать свою шляпу.

— Что они вам, собственно, рассказывали? Конечно, уверяли в своей невиновности?

Из-за шума ветра приходилось говорить громко. Живе в пятистах

метрах отсюда казался скопищем огней. Дом фламандцев вырисовывался на облачном небе, на его окна ложились желтоватые отсветы от неярких фонарей.

— Откуда они родом?

— С севера Бельгии... Папаша Питерс родился где-то близ Лимбурга, на голландской границе... Он на двадцать лет старше жены, и, значит, ему теперь где-то около восьмидесяти... Он всю жизнь занимался плетением корзин... Еще несколько лет назад он держал мастерскую с четырьмя рабочими позади дома... Но теперь он совсем впал в детство...

— Они богаты?

— Говорят... Дом принадлежит им... Они даже давали деньги взаймы бедным речникам, которые хотели завести свою баржу... Видите ли, комиссар, у этих людей совсем иная психология, непохожая на нашу... У мадам Питерс сотни тысяч франков, но это не мешает ей, как говорят, наливать рюмочки клиентам... Зато сын скоро будет адвокатом... Старшую дочь выучили играть на рояле... Другая служит учительницей в большом монастыре в Намюре... А это лучше, чем быть учительницей в обычной школе... Это вроде лицея...

Машер указал на баржи:

— Половина людей на этих баржах — фламандцы... Люди, которые не любят менять свои привычки... Другие ходят во французские бистро возле моста, пьют там вино и аперитивы... фламандцы же любят свою можжевеловую водку, говорят на своем языке и так далее... Каждое судно закупает провизию на неделю, а то и больше. Я уже не говорю о контрабанде!.. Для этого их лавка стоит на хорошем месте.

— Они мыслят совсем не так, как мы... Для фламандских речников это не бистро... Для них это лавка, хотя там им и наливают вино у стойки... Даже женщины, когда приходят за провизией, тоже выпивают рюмку... Кажется, это и есть главный доход Питерсов.

— А Пьедбёфы?

— Это бедные люди... Отец — сторож на заводе. Дочь служила машинисткой в той же фирме... И сын там служит...

— Серьезный парень?

— Этого сказать нельзя... Он не слишком себя утруждает... Предпочитает играть на бильярде в кафе возле мэрии... Красивый парень, и он это знает...

— А дочь?

— Жермена?.. У нее были любовники... Знаете, комиссар, это одна из тех девушек, которых встречаешь по вечерам в темных уголках с мужчиной... Однако же ребенок точно от Жозефа Питерса... Я его видел... Он на него похож... Во всяком случае, нельзя отрицать тот факт, что третьего января, вскоре после восьми часов вечера, Жермена вошла в дом Питерсов и с тех пор ее никто больше не видел.

То, что говорил инспектор Машер, казалось вполне убедительным.

— Я все осмотрел... Даже сделал с помощью топографа детальную съемку местности... Я упустил только одно: не осмотрел крышу... Обычно не подозревают, что можно упрятать труп на крыше... Вот я и решил се-

годня туда залезть... Но нашел только платок, ничего другого...

— А Мёза?

— Вот, вот! Сейчас я вам и об этом скажу... Вы ведь знаете, что почти всех утопленников находят у плотин... Отсюда до Намюра их целых восемь. Но два дня спустя после преступления вода в реке так поднялась, что прорвало плотины. Так бывает каждую зиму... Выходит, труп Жермены Пьедбёф мог доплыть до Голландии, а то и попасть в море.

— Мне сказали, что Жозефа Питерса не было в Живе в тот вечер, когда...

— Я знаю! Они так утверждают... Однако же один свидетель видел мотоцикл, похожий на его... Жозеф Питерс клянется, что это был не он...

— У него нет алиби?

— И да, и нет... Я специально вернулся в Нанси... Он снимает меблированную комнату, куда может пройти так, что квартирная хозяйка его не увидит... А кроме того, он посещает кафе и бары, где каждую ночь собираются студенты... Никто не может точно вспомнить, что третьего или четвертого января он провел ночь в одном из этих баров.

— А Жермена Пьедбёф не могла покончить с собой?

— Она не из таких... Кроме того, говорят, что она обожала своего сына...

— Возможно, она оказалась жертвой другого преступления?

На этот раз Машер промолчал и устремил взгляд на суда, скопившиеся в нескольких метрах от берега.

— Я об этом думал... И узнал все о каждом из речников... Большинство из них люди серьезные, живут на борту вместе с женами и детьми. Не по душе мне только «Полярная звезда»... Последнее судно, если смотреть вверх по течению... Самое грязное... Кажется, оно вот-вот пойдет ко дну.

— Что это за судно?

— Баржа одного бельгийца из Тийера, что возле Льежа... Эта старая скотина дважды привлекался к суду за преступления против нравственности... Баржа совсем заброшена, за ней не следят... Компании отказываются ее страховать... Но почему она вас интересует?

Теперь они шли по направлению к мосту. По мере их приближения к городу свет фонарей становился ярче, и они лучше освещали дорогу. Стали попадаться бистро, где назойливо звучали музыкальные автоматы.

— Я велел следить за этим речником... Хотя свидетельские показания насчет мотоцикла...

— В какой гостинице вы остановились?

— В вокзальной.

Мегрэ протянул инспектору руку:

— Мы увидимся, старина... Конечно, продолжать расследование будете вы... Ведь я здесь только в качестве любителя...

— А что мне делать? Если не найдут тело, не будет никаких доказательств... А если труп бросили в реку, то его уже никогда не найти...

Мегрэ рассеянно пожал ему руку, так как они уже были возле моста, повернул к гостинице «Мёза».

* * *

За обедом Мегрэ пометил в своей записной книжке:

«Мнения о Питерсах.

Машер: Они считают себя выше владельцев бистро.

Содержатель гостиницы: Эти люди считают себя крупными буржуа. Разве я могу думать о том, чтобы мой сын стал адвокатом?

Один речник: Фламандцы — они все такие.

Другой речник: Они держатся друг за друга, как масоны.»

Было любопытно смотреть в сторону фламандцев из города, со стороны моста, образующего центральную точку Живе. Это был французский город. Маленькие улочки. Кафе, набитые любителями бильярда или домино. Запах анисовых аперитивов и всеобщая непринужденность в обращении.

Затем шла река. Здание таможни. И, наконец, совсем на краю, на границе с полями, дом фламандцев: бакалейная лавка, набитая товарами; маленькая стойка для любителей можжевеловой водки; кухня и старик, впавший в детство, сидящий в своем плетеном кресле, придвинутом к печке; столовая, она же гостиная, а в ней рояль, скрипка, удобные стулья; домашний пудинг; Анна и Маргарита; клетчатая скатерть; Жозеф — длинный, тощий и болезненный, приезжающий на мотоцикле и окруженный всеобщим обожанием.

В гостинице «Мёза» обычно останавливались коммерсанты. Хозяин всех их знал. У них были постоянные места в ресторане.

Около девяти часов вечера Жозеф Питерс нашел Мегрэ в ресторане и сообщил:

— Есть новости!

Так как любопытные стали смотреть в их сторону, Мегрэ предпочел увести молодого человека в свой номер.

— Что случилось?

— Вы в курсе дела насчет объявления? Так вот, объявился один мотоциклист... Хозяин гаража из Динана, который проезжал в тот вечер, около половины девятого, мимо нашего дома...

Мегрэ сел на край кровати, предоставив единственное кресло своему посетителю.

— Вы в самом деле любите Маргариту?

— Да... То есть...

— То есть?

— Это моя кузина! Я собирался взять ее в жены... Это было решено уже давно...

— Но, несмотря на это, у вас ребенок от Жермены Пьедбёф.

Молчание. Потом едва слышное:

— Да...

— Вы ее любили?

— Не знаю.

— Вы могли бы на ней жениться?

— Не знаю...

При ярком свете Мегрэ отчетливо видел его усталые глаза, утомлен-

ное лицо. А Жозеф Питерс не осмеливался посмотреть на комиссара.

— Как же это случилось?

— Мы встречались, Жермена и я...

— А Маргарита?

— Нет! Это совсем другое...

— И что же дальше?

— Она мне объявила, что у нее будет ребенок... Я не знал, что делать...

— Это ваша мать вам...

— Мать и сестры... Они мне доказали, что я у нее не первый, что у Жермены уже были...

— Приключения?

Окно выходило на реку как раз в том месте, где волны били об опоры моста. И здесь не прекращался шум, беспрерывный, могучий...

— Вы любите Маргариту?

Молодой человек поднялся встревоженно, беспокойно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Вы любите Маргариту или Жермену?

— Я... То есть...

На лбу у него выступили капли пота.

— Что я могу знать?.. Моя мать уже договорилась для меня об адвокатском кабинете в Реймсе...

— Для вас и Маргариты?

— Не знаю... С другой я познакомился в танцевальном зале...

— С Жерменой?

— Да, в танцевальном зале, куда мне запрещали ходить... Я проводил ее домой... По дороге...

— А Маргарита?

— Это совсем не то... Я...

— Вы не уезжали из Нанси в ночь с третьего на четвертое?

Мегрэ знал уже достаточно. Он уже составил себе представление о пришедшем: слабохарактерный молодой человек, честолюбие которого подогревалось восхищением сестер и кузины.

— Что вы делаете с того времени?

— Готовлюсь к экзамену... Это последний... Анна телеграфировала мне, что я должен приехать и встретиться с вами... Разве...

— Нет! Вы мне больше не нужны! Можете возвращаться в Нанси!

Лицо, которое навсегда сохранится в памяти Мегрэ: большие светлые глаза, от волнения и усталости окаймленные красным ободком. Слишком прямо скроенный пиджак. Брюки с карманами на коленях...

В этом же костюме, надев только плащ, Жозеф Питерс вернется в Нанси на своем мотоцикле, не превышая указанной скорости...

Маленькая комната, снятая у какой-нибудь старой нуждающейся дамы... Занятия, которые он, должно быть, никогда не пропускает... Кафе в полдень... Бильярд вечером...

— Если вы мне понадобитесь, я дам вам знать.

И Мегрэ, оставшись один, остановился у окна, подставив лицо ветру, дующему с долины. Он глядел, как Мёза несется к равнине, и различал

вдали тусклый огонек: дом фламандцев.

Во мраке неясно виднелось скопление судов, мачт, труб, надстроек. Среди которых была и «Полярная звезда».

Мегрэ набил трубку и вышел, подняв воротник пальто. А ветер был такой сильный, что комиссар с трудом ему противостоял.

Глава третья

АКУШЕРКА

Как обычно, Мегрэ уже был на ногах в восемь утра. Засунув руки в карманы пальто, с трубкой в зубах, он долго стоял перед мостом, то любуясь бешено несущейся рекой, то поглядывая на прохожих.

Ветер дул с той же силой, что и накануне. Было гораздо холоднее, чем в Париже.

Здесь чувствовалась близость границы. Мегрэ почувствовал это особенно остро, когда вошел в бистро на набережной, чтобы выпить грогу. Французское бистро. Разноцветные аперитивы: целая гамма цветов. Светлые стены, украшенные зеркалами. И люди, стоя глотающие свою утреннюю рюмку белого вина.

Вокруг хозяев двух буксиров собралось с десяток речников. Говорили о том, возможно ли сейчас спуститься вниз по реке.

— Под мостом у Динана не пройти. А даже если удастся, то придется брать по пятнадцать франков за тонну... Это слишком дорого... Никто не будет платить, лучше подождут.

И все поглядели на вошедшего Мегрэ. Какой-то речник толкнул другого локтем. Комиссара заметили.

— Тут один фламандец собирается отойти завтра без мотора, надеется на течение...

Фламандцев в кафе не было. Они предпочитали лавку Питерсов, облицованную темным деревом. Там пахло кофе, цикорием, корицей и можжевеловой водкой. Они могли стоять там часами, облокотившись на стойку, неспешно и лениво беседуя, разглядывая светлыми глазами рекламу на дверях.

Мегрэ прислушивался к тому, что говорилось вокруг. Он узнал, что фламандских речников здесь не любят, и не столько из-за их характера, сколько за то, что они со своими судами, оснащенными мощными моторами, представляют конкуренцию французам, потому что за перевозку грузов взимают низкую плату.

— И они еще смеют убивать наших девушек!

Это было явно сказано для Мегрэ. За ним наблюдали краем глаз.

— Интересно бы узнать, почему полиция не торопится арестовать Питерсов? Видно, у них слишком много денег...

Мегрэ вышел, еще несколько минут побродил по набережной, глядя, как коричневая вода уносит ветки деревьев. На маленькой улице, слева, он увидел дом, на который указала ему Анна.

2—001111

Утро было хмурое, небо серое. Из-за холода люди не задерживались на улицах.

Комиссар подошел к двери и дернул за шнурок звонка. Было около четверти девятого. Женщина, отворившая ему, вероятно, занималась уборкой. Она вытерла руки о мокрый фартук.

— Вам кого?

В глубине коридора виднелась кухня. Там на полу стояло ведро и лежала щетка.

— Мсье Пьедбёф дома?

Она недоверчиво оглядела его с ног до головы.

— Отец или сын?

— Отец.

— Вы, наверное, из полиции? Тогда вы должны были бы сами знать, что в это время он всегда спит. Ведь он ночной сторож и раньше семи утра никогда домой не возвращается... Может, вы хотите подняться наверх?

— Не беспокойтесь. А сын?

— Десять минут назад ушел в свою контору.

В кухне послышался стук упавшей ложки. Мегрэ заметил голову маленького ребенка.

— Это случайно не...— начал он.

— Да, это сын бедной мадемуазель Жермены! Заходите сюда или уходите, а то выстудите весь дом.

Комиссар вошел. Стены в коридоре были выкрашены под мрамор. В кухне царил беспорядок, и женщина смущенно ворчала, подбирая ведро и щетку. На столе стояли тарелки и чашки. За столом мальчуган лет трех сидел один и неловко ел яйцо всмятку.

Женщине было лет сорок. Худая, с аскетическим лицом.

— Это вы его воспитываете?

— Да, с тех пор, как они убили его мать, я почти все время смотрю за ним. Дедушке днем приходится спать. Больше никого в доме нет. А когда меня вызывают пациентки, приходится поручать его соседке.

— Пациентки?

— Да. Я ведь акушерка, с дипломом.

И она сняла клетчатый фартук, словно в нем она теряла свое достоинство.

— Не бойся, мой миленький Жожо!— сказала она ребенку, который перестал есть и глядел на посетителя.

Был ли он похож на Жозефа Питерса? Трудно сказать. Во всяком случае, ребенок был с явно выраженными признаками дебильности. Неправильные черты лица, слишком большая голова, тощая шея, а главное, тонкий и длинный рот, как у ребенка по меньшей мере десяти лет.

Он не спускал глаз с Мегрэ, но взгляд его не выражал ничего. Он не выразил никаких чувств даже тогда, когда акушерка захотела обнять его немного театральным жестом. Она воскликнула:

— Бедненький малыш! Ешь яйцо, дорогой!

Она не пригласила Мегрэ сесть. На полу стояла лужа.

— Это, видно, за вами ездили в Париж?

Голос звучал не агрессивно, но однако и не любезно.

— Что вы хотите сказать?

— Здесь не может быть никаких тайн. И так все известно.

— Объясните!

— Сами знаете, не хуже меня! Нечего сказать, за хорошее дело вы взялись! Ну да разве полиция не всегда на стороне богатых!

Мегрэ нахмурился, и не из-за слов, а из-за того, что стояло за ними.

— Ведь фламандцы повсюду раззвонили, что если сейчас их притесняют, то это продлится недолго, и что все изменится, когда из Парижа приедет какой-то комиссар.

Она говорила с неприязненной улыбкой.

— Черт возьми! Им дали время придумать подходящую ложь! Они прекрасно знают, что тело Жермены никогда не найдут! Ешь, мой миленький... Не беспокойся...

И она со слезами на глазах поглядела на малыша, который, подняв вверх ложку, не спускал глаз с комиссара.

— Вы ничего не хотите мне сообщить?— спросил Мегрэ.

— Ровно ничего. Питерсы, конечно, уже снабдили вас всеми нужными вам сведениями и даже, наверное, сказали, что ребенок не от Жозефа.

Стоило ли настаивать? Здесь Мегрэ был врагом. В этом бедном доме царила атмосфера ненависти.

— А теперь, если вы захотите повидать мсье Пьедбёфа, можете прийти в полдень... В это время он встает, а мсье Жерар приходит из конторы.

Она проводила его по коридору и закрыла за ним дверь.

Шторы окон второго этажа были спущены.

* * *

Недалеко от дома фламандцев Мегрэ увидел инспектора Машера. Он разговаривал с двумя речниками и сразу же отошел от них, когда заметил комиссара.

— Что они рассказывают?

— Я говорил с ними о «Полярной звезде»... Они сказали, что третьего января хозяин судна ушел из кафе где-то около восьми часов и, как обычно, был здорово пьян... Сейчас он еще спит... Я только что поднимался к нему на судно, но он даже не услышал...

Через витрину лавки фламандцев видна была седая голова мадам Питерс; она наблюдала за полицейскими. Разговор не клеился. Оба они смотрели вокруг, ни на чем не останавливая взгляда.

По одну сторону река с прорванными плотинами уносила обломки судов. На другой стороне возвышался дом фламандцев.

— У них два выхода,— заметил Машер.— Один — тот, который мы знаем, другой — позади дома... Во дворе есть колодец...

И он поспешно добавил:

— Я его исследовал, я все там проверил. И все-таки, не знаю, почему, мне все время кажется, что труп в Мёзу не бросали. Откуда взялся этот дамский носовой платок на крыше?

— Вы знаете, что мотоциклиста обнаружили?

— Да, мне сообщили. Но это совсем не доказывает, что Жозефа Питерса в тот вечер здесь не было.

Ну, конечно. Никаких доказательств ни за, ни против! Не было даже серьезного свидетельского показания.

Жермена Пьедбёф вошла в лавку около восьми вечера. Фламандцы утверждают, что через несколько минут она от них ушла. Однако же никто другой больше ее не видел.

Вот и все!

Пьедбёфы обвиняли фламандцев и требовали триста тысяч франков компенсации.

Задребезжал звонок. В лавку вошли две женщины с барок.

— Вы все еще думаете, комиссар...

— Я совсем ничего не думаю, старина! До скорого!..

И он тоже вошел в лавку. Обе покупательницы подвинулись, чтобы дать ему место. Мадам Питерс крикнула:

— Анна!

Она засуетилась, открыла застекленную дверь, ведущую в кухню.

— Входите, господин комиссар... Анна сейчас спустится... Она убирает спальни...

Мадам Питерс снова занялась покупательницами, а комиссар, пройдя через кухню, вышел в коридор и стал медленно подниматься по лестнице.

Анна, по-видимому, не слышала его шагов. Повязав голову платком, она чистила мужские брюки. Дверь была открыта.

Увидев посетителя в зеркале, Анна живо обернулась и выпустила из рук щетку.

— Вы были там?

Утром, не одетая, она была все такой же. Тот же облик благовоспитанной, сдержанной девушки.

— Прошу прощения... Мне сказали, что вы наверху... Это комната вашего брата?

— Да... Он уехал сегодня рано утром... Экзамен предстоит очень трудный... Он хочет сдать его с блеском, как и предыдущие...

На комоде большой портрет Маргариты Ван де Веерт в светлом платье и шляпе из итальянской соломки. И надпись, сделанная рукой Маргариты узкими, остроконечными буквами. Это было начало «Песни Сольвейг»:

Зима пройдет,
И весна промелькнет...

Мегрэ взял в руки портрет. Анна с каким-то недоверием пристально смотрела на комиссара, словно боялась, что он улыбнется.

— Это стихи Ибсена,— сказала она.

— Знаю...

И Мегрэ продекламировал окончание поэмы:

И ты ко мне вернешься,
Прекрасный мой жених.
Тебе верна останусь,
Тобой лишь буду жить...

И все-таки комиссар чуть не улыбнулся, глядя на брюки, которые Анна не выпускала из рук.

Это было так неожиданно, даже трогательно, эти романтические стихи в серенькой обстановке студенческой комнаты.

Жозеф Питерс, длинный и тощий, плохо одетый, со светлыми волосами, которые никак не укладывались, несмотря на старания, со слишком большим носом и близорукими глазами... Прекрасный мой жених...

И этот портрет провинциалочки с ее воздушной, слащавой красивостью! Ничто не напоминало здесь волнующей обстановки из драмы Ибсена, героиня не взывала к звездам! Она по-мещански списала готовые стихи:

Тебе верна останусь,
Тобой лишь буду жить.

Она и в самом деле оставалась верной, она и в самом деле ждала! Несмотря на Жермену Пьедбёф! Несмотря на ребенка! Несмотря на проходящие годы!

Мегрэ стало как-то неловко. Он окинул взглядом стол, на котором лежал зеленый бювар, стояла медная чернильница, должно быть, чей-то подарок, и пластмассовые ручки.

Он машинально открыл один из ящиков комода и увидел в картонной коробке без крышки любительские фотографии.

— У моего брата есть фотоаппарат.

Молодые люди в студенческих фуражках. Жозеф на мотоцикле, рука на ручке газа, словно он собирается рвануть с места... Анна за роялем... Еще одна девушка, более тонкая, более грустная...

— Это моя сестра Мария.

И вдруг он увидел маленькую фотографию для паспорта, унылую, как все подобные снимки, из-за резких контрастов черных и белых тонов.

На ней была девушка, такая хрупкая, миниатюрная, что ее можно было принять за девчонку. Огромные глаза чуть ли не во все лицо. Она была в какой-то смешной шляпке и, казалось, с испугом смотрела в аппарат.

— Это Жермена, правда?

Сын был на нее похож.

— Она была больная?

— Не очень здоровая. Перенесла туберкулез.

Зато у Анны здоровья хватало! Крупная и крепко сбитая, она отличалась удивительной уравновешенностью. Она, наконец, положила брюки на кровать, покрытую стеганым одеялом.

— Я сейчас был у нее.

— Что они вам сказали?.. Должно быть...

— Я видел только акушерку... И малыша...

Она, словно стесняясь, не стала задавать вопросов. Держалась скромно.

— Ваша комната рядом?

— Да, у нас общая комната с сестрой...

Комнаты были смежные, и Мегрэ открыл дверь, ведущую в спальню девушек. Она была светлее, потому что окна выходили на набережную. Кровать была уже застелена. В комнате царил полный порядок, вся одежда была убрана.

Только две тщательно сложенные ночные рубашки на обеих подушках.

— Вам двадцать пять лет?

— Двадцать шесть.

Мегрэ хотел спросить ее, но не знал, как задать этот вопрос.

— Вы никогда не были обручены?

— Никогда.

Но вопрос, который он хотел задать ей, был несколько иной. Она заинтересовала его, и особенно теперь, когда он увидел ее комнату. Заинтересовала, как загадочная статуя. Он думал о том, трепетало ли уже от страсти это совсем не соблазнительное тело, была ли она кем-нибудь еще, кроме преданной сестры, примерной дочери, хозяйки дома, одной из семьи Питерсов, скрывалась ли, наконец, под этими ее обличьями настоящая женщина!

А она не отводила взгляда. Она не пряталась. Она, должно быть, чувствовала, что он разглядывает не только ее лицо, но и фигуру, и даже не вздрогнула.

— Мы ни с кем не встречаемся, кроме наших родственников Ван де Веертов.

Мегрэ колебался, и голос его звучал не совсем естественно, когда он сказал:

— Я хочу попросить вас проделать один опыт... Не спуститесь ли вы в столовую и не поиграете ли на рояле, пока я вас не позову... Если возможно, ту же вещь, что и третьего января... Кто тогда играл?

— Маргарита... Она поет и аккомпанирует себе... Она брала уроки пения...

— Вы помните, что это было?

— Все то же. «Песня Сольвейг»... но... я... не понимаю...

— Это просто опыт...

Она вышла из комнаты и хотела закрыть за собой дверь.

— Нет! Оставьте ее открытой...

Через несколько минут ее пальцы уже небрежно скользили по клавишам, раздавались едва связанные друг с другом аккорды. А Мегрэ, не теряя времени, открывал шкафы в спальне девушек.

Первый шкаф был для белья. Аккуратные стопки рубашек, панталон, нижних юбок, все тщательно отглажено...

Аккорды сливались в мелодию. Слышалась знакомая песнь. А толстые пальцы Мегрэ перебирали белое полотняное белье.

Какой-нибудь свидетель, несомненно, принял бы его за влюбленного

или, скорее, за человека, утоляющего какую-то тайную страсть.

Грубое, прочное, не знающее износа белье, без малейшей кокетливости. Белье обеих сестер лежало вместе.

Теперь дошла очередь до ящика: чулки, подвязки, коробочки со шпильками... Никакой пудры... Никаких духов, кроме флакона одеколона, которым, вероятно, пользовались только по большим праздникам...

Звуки стали громче... Дом наполнялся музыкой... Теперь, кроме звуков рояля, слышался голос, который понемногу стал заглушать аккомпанемент:

Но ты ко мне вернешься,
Прекрасный мой жених.

Это пела не Маргарита! Это пела Анна Питерс! Она выделяла каждый слог. Она с тоскливым чувством подчеркивала отдельные фразы.

Пальцы Мегрэ по-прежнему ощупывали материю в шкафу.

В одной из стопок белья зашуршало что-то похожее на бумагу.

Еще одна фотография. Любительский снимок в коричневом тоне. Молодой человек с вьющимися волосами, тонкими чертами лица, выступающей вперед верхней губой, с самодовольной, чуть-чуть иронической улыбкой.

Мегрэ не смог бы сказать, кого напомнила ему эта фотография. Но она напомнила ему кого-то.

Тебе верна останусь,
Тобой лишь буду жить.

Низкий голос, почти мужской, постепенно стал медленно затихать. Потом Анна обратилась к нему:

— Мне продолжать, господин комиссар?

Он закрыл дверцы шкафов, сунул фотографию в карман пиджака и быстро вошел в комнату Жозефа Питерса:

— Нет, не трудитесь больше!

Когда Анна поднялась наверх, Мегрэ заметил, что она заметно побледнела. Быть может, она вложила слишком много души в свое пение. Мегрэ окинул взглядом комнату, но не обнаружил ничего необычного.

— Я не понимаю... Я хотела бы у вас спросить, господин комиссар... Вы видели Жозефа вчера вечером... Что вы о нем думаете?.. Неужели вы верите, что он способен?..

Пока Анна была внизу, она сняла платок, покрывавший ее волосы. Мегрэ даже показалось, что она вымыла руки.

— Нужно, понимаете ли, нужно,— продолжала она,— чтобы все признали его невиновность!.. Нужно, чтобы он был счастлив!..

— С Маргаритой Ван де Веерт?

Она ничего не ответила. Только вздохнула.

— Сколько лет вашей сестре Марии?

— Двадцать восемь... Все думают, что она станет директрисой школы в Намюре...

Мегрэ потрогал фотографию у себя в кармане.

— У нее нет возлюбленных?

И Анна мгновенно отозвалась:

— У Марии?

Что должно было означать:

— Возлюбленный, у Марии?.. Нет, вы ее не знаете.

— Я буду продолжать расследование,— сказал Мегрэ, направляясь к лестнице.

— У вас уже есть какие-нибудь результаты?

— Не знаю.

Она спустилась вместе с ним по лестнице. Проходя через кухню, он увидел старого Питерса, который сидел в своем кресле и, должно быть, не заметил комиссара.

— Он уже ни на что не реагирует,— вздохнула Анна.

В лавке было три или четыре покупателя. Мадам Питерс разливала по рюмкам можжевеловую водку. Не выпуская из рук бутылку, она, поклонившись, попрощалась с комиссаром и снова заговорила по-фламандски.

Вероятно, она объяснила им, что это комиссар, приехавший из Парижа, так как речники обернулись и с уважением посмотрели на Мегрэ.

Выйдя на улицу, комиссар увидел инспектора Машера, который осматривал участок земли, где почва была более рыхлой, чем в других местах.

— Есть новости?— спросил комиссар.

— Не знаю! Я все ищу труп. Пока мы его не найдем, нельзя арестовать этих людей...

И он посмотрел на Мёзу с таким видом, будто хотел сказать, что это не ее воды унесли отсюда тело Жермены.

Глава четвертая

ФОТОГРАФИЯ

Это было вскоре после полудня. Вот уже, вероятно, в четвертый раз, с самого утра, Мегрэ прохаживался вдоль берега. По другую сторону Мёзы возвышалась оштукатуренная заводская стена, а в ней виднелись ворота, откуда сейчас выходили пешком или выезжали на велосипедах десятки рабочих и работниц.

Встреча состоялась в ста метрах от моста. Комиссар прошел мимо какого-то человека, посмотрев ему в лицо, а потом, когда обернулся, то увидел, что прохожий тоже смотрит ему вслед.

Это был человек с фотографии, найденной среди белья в шкафу у Анны.

Оба мгновение колебались. Молодой человек первый шагнул в сторону Мегрэ.

— Вы не полицейский из Парижа?

— А вы, конечно, Жерар Пьедбёф?

«Полицейский из Парижа». Вот уже пятый или шестой раз сегодня Мегрэ слышал, что его называли так. И он прекрасно понимал, как это было сказано. Его коллега Машер приехал сюда из Нанси, чтобы вести следствие, и ничего больше. Все видели, как он ходил взад и вперед по городку, и когда жителям казалось, что они что-то узнали, они немедленно сообщали ему.

Мегрэ же был «полицейский из Парижа», вызванный фламандцами, приехавший специально для того, чтобы снять с них всякие подозрения. И люди, уже знавшие его в лицо, без малейшей симпатии провожали комиссара взглядом.

— Вы идете от нас?

— Я уже был у вас сегодня рано утром и видел только вашего племянника.

Жерар выглядел старше, чем на фотографии. Правда, черты лица его не изменились, одет и причесан он был по-молодежному, но все же, глядя на него, можно было смело сказать, что он перешагнул уже за двадцать пять.

— Вы хотите со мной поговорить?

Во всяком случае, застенчивость не была его недостатком. Он ни разу не отвел взгляда. Глаза его были карие, очень блестящие, глаза, которые, несомненно, имели успех у женщин, тем более, что кожа у него была матовая, а губы красиво очерчены.

— Я только начинаю расследование.

— Конечно, за счет Питерсов, я это знаю! Все здесь это знают! Знали даже до вашего приезда... Вы — друг их семьи и взялись за то, чтобы...

— Ни за что я не взялся! А вот, кстати, ваш отец... Он встает...

Отсюда был виден маленький дом. На втором этаже поднялась штора, и они увидели человека с большими седыми усами, который смотрел в окно.

— Он нас заметил,— сказал Жерар.— Сейчас оденется...

— Вы лично знаете Питерсов?

Они шли по набережной, поворачивая назад всякий раз, когда доходили до причала, расположенного в ста метрах от лавки фламандцев. Дул свежий ветер. На Жераре было легкое пальто, которое он выбрал, вероятно, потому, что оно плотно облегало его фигуру.

— Что вы этим хотите сказать?

— Вот уже три года, как ваша сестра — любовница Жозефа Питерса. Она ходила к нему?

Молодой человек пожал плечами.

— К чему копаться в таких мелочах? Сначала, незадолго до рождения ребенка, Жозеф клялся, что женится на ней... Потом явился доктор Ван де Веерт и от имени Питерсов предложил моей сестре десять тысяч франков, если она покинет эти места и никогда больше сюда не вернется. Оправившись от родов, Жермена первым делом пошла к Питерсам, чтобы показать им ребенка. Разыгралась ужасная сцена, ее не захотели впустить, а старуха обошлась с ней, как с уличной девкой... В конце концов

все это утряслось... Жозеф по-прежнему обещал на ней жениться... Но сначала хотел закончить свои занятия.

— А вы?

— Я?

Сначала он притворился, что не понимает. Но тут же передумал, и на его лице скользнула улыбка, самодовольная и ироническая.

— А вам уже что-то рассказали?

Мегрэ, не останавливаясь, вытащил из кармана маленькую фотографию и показал своему спутнику.

— Вот те на! А я и не думал, что она еще существует!

Он протянул руку, чтобы взять фотографию, но Мегрэ снова положил ее в бумажник.

— Это она вам... Нет! Это невозможно! Она слишком горда... По крайней мере, сейчас...

Во время разговора Мегрэ не переставал наблюдать за своим собеседником. Болен ли он туберкулезом, как и его сестра и, конечно, как сын Жозефа? Может быть и нет! Но в нем было своеобразное очарование, свойственное некоторым чахоточным: тонкие черты лица, прозрачная кожа, чувственные и в то же время насмешливые губы.

Щегольство его было невысокого пошиба, щегольство мелкого служащего. Теперь он счел нужным надеть поверх своего бежевого пальто креповую повязку.

— Вы за ней ухаживали?

— Старая история... Это было еще до того, как сестра родила. По крайней мере, года четыре назад...

— Продолжайте...

— А вот и мой отец вышел поглядеть на улицу...

— Все равно продолжайте!

— Это было в воскресенье... Жермена и Жозеф собирались поехать на прогулку в гроты Рошфора... В последнюю минуту пригласили и меня, так как с ними поехала одна из сестер... Гроты находятся в двадцати пяти километрах отсюда... Позавтракали на траве. Мне было очень весело... Потом обе парочки разделились и отправились гулять по лесу...

Мегрэ, не отрываясь, смотрел на молодого человека, ничем не выражая своих мыслей.

— А потом?

— Что потом?.. Потом...

Жерар самодовольно и лукаво улыбнулся.

— Я не смог бы даже объяснить, как оно произошло... Я не привык долго тянуть... Это застало ее врасплох и...

Они подошли к папаше Пьедбёфу, который стоял в рубашке без воротничка, в войлочных туфлях.

— Мне сказали, что сегодня утром вы были у нас... Прошу вас, входите... Ты говорил комиссару, Жерар?

Мегрэ поднялся по узкой лестнице, некрашенные ступени которой казались совсем шаткими. Одна и та же комната служила кухней, столовой и гостиной. Все вокруг было убого и некрасиво. Стол был покрыт

клеенкой с голубым рисунком.

— Кто же мог ее убить?— сразу начал папаша Пьедбёф. Чувствовалось, что он не очень умен.— В тот вечер она ушла, сказав, что еще не получила от них своего пособия и что от Жозефа ни слуху ни духу. Да! Они платили ей каждый месяц на содержание ребенка... Это, конечно, слишком уж мало и...

Жерар, поняв, что отец сейчас начнет выкладывать все те же жалобы, прервал его:

— Это комиссара не интересует! Ему нужны факты, доказательства! Так вот, у меня... Я, по крайней мере, могу доказать, что Жозеф Питерс, который утверждает, что в этот день в Живе не приезжал, в действительности был здесь... Он приехал на мотоцикле и...

— Вы говорите, что это можно засвидетельствовать?.. Теперь уж не стоит... Объявился другой мотоциклист, который утверждает, что это он проезжал по набережной в тот вечер, вскоре после восьми часов...

— А!..

И уже другим тоном Жерар спросил:

— Значит, вы против нас?

— Да я ни с кем! Я ни за кого, ни «за», ни «против». Я ищу правду!

Но Жерар ухмыльнулся и громко сказал, обращаясь к отцу:

— Комиссар приехал специально для того, чтобы постараться уличить нас... Простите меня, комиссар... Но мне нужно поесть... Я должен зарабатывать себе на жизнь, а в конторе перерыв на обед до двух часов.

О чем тут спорить? Мегрэ в последний раз огляделся вокруг, заметил в соседней комнате детскую кроватку и направился к двери.

* * *

Машер ожидал в гостинице «Мёза». Постояльцы ели в отдельном маленьком зале, отгороженном от кафе стеклянной дверью. А в самом кафе можно было перекусить за столиком без скатерти, и в это время там обедали несколько человек.

Машер был не один. За его столиком сидел человек небольшого роста, с чудовищно широкими плечами и длинными руками горбуна. Он пил аперитив и, увидя комиссара, поднялся.

— Владелец «Полярной звезды»— Гюстав Кассен.

Мегрэ подсел к ним. Бросив взгляд на блюдца, стоявшие перед ними на столике, комиссар понял, что они пьют уже третий аперитив.

— Кассен хочет вам кое-что рассказать.

Для Мегрэ это было совсем неожиданно. Едва лишь Машер замолк, как Кассен заговорил с доверительным видом, наклоняясь к плечу комиссара.

— Ведь нужно сказать то, что знаешь, верно? Только не надо говорить, пока тебя не спрашивают. Как любил повторять мой покойный папаша: впереди священника в церковь не лезь!

— Кружку пива!— бросил Мегрэ подошедшему к нему официанту.

Он сдвинул на затылок свою шляпу и расстегнул пальто. Потом, заметив, что речник не знает, как изложить свое дело, проворчал:

— Если не ошибаюсь, вечером третьего января вы были мертвецки пьяны?

— Мертвецки — это неправда! Я выпил несколько рюмок, однако держался крепко... И прекрасно видел то, что произошло на моих глазах...

— Вы видели мотоцикл, который остановился возле дома фламандцев?

— Я!.. Да ничего подобного...

Машер знаком показал Мегрэ, что не надо прерывать речника, которого он подбодрил жестом руки.

— На набережной я увидел женщину... Сейчас скажу вам какую... Ту из двух сестер, которая никогда не бывает в лавке, а каждое утро садится в поезд...

— Марию?

— Может быть, ее зовут и так... Худая, со светлыми волосами... Ну вот, мне показалось странным, что она стоит на улице, да еще в такую погоду, когда от ветра стучат цепи судов...

— В котором часу?

— Когда я возвращался домой спать... Что-то около восьми... Или немного позже...

— Она тоже вас заметила?

— Нет! Я не пошел дальше, а спрятался возле склада таможни. Я подумал, что она ожидает любовника, и надеялся позабавиться...

— Конечно! Ведь вы уже дважды привлекались к ответственности за преступления против нравственности...

Кассен улыбнулся, показав ряд испорченных зубов. Это был человек без возраста. Правда, его темные волосы, растущие над узким лбом, еще не поседели, но лицо уже избороздили морщины.

Его очень интересовало, какое впечатление производит этот рассказ, и всякий раз, произнося фразу, он смотрел сначала на Мегрэ, потом на инспектора Машера и, наконец, на какого-нибудь посетителя кафе, сидевшего за его спиной и слушавшего их разговор.

— Продолжайте!

— Так, значит, вот... Она ожидала вовсе не любовника...

Речник все же немного заколебался. Он выпил залпом то, что оставалось у него в рюмке, и крикнул официанту:

— Повторите!

Потом одним духом выпалил:

— Она стояла, чтобы удостовериться, что поблизости никого нет... Тем временем из лавки вышли какие-то люди, но через заднюю дверь... Они несли что-то длинное и бросили это в Мёзу, как раз между моим судном и «Двумя братьями», которые пришвартованы за «Полярной звездой».

— Официант, сколько я вам должен? — спросил Мегрэ, вставая.

Комиссар не казался удивленным. Машер был совсем озадачен. Что же касается речника, то он не знал, что и подумать.

— Пойдемте со мной,— сказал Мегрэ.

— Это еще куда?
— Неважно! Пойдемте!
— Мне сейчас принесут рюмку, которую я заказал.
Мегрэ подождал, не выражая нетерпения. Он сказал хозяину, что через несколько минут придет завтракать, и увел пьянчугу на набережную.
В этот час там было пустынно, потому что все завтракали. Начали падать первые капли дождя.
— Покажите, где вы стояли!— сказал комиссар.
Он знал здание таможни. Кассен забился в уголок, чтобы показать ему это место.
— Вы не выходили отсюда?
— Конечно, нет! Зачем мне было впутываться в эту историю!
— Дайте-ка я встану на ваше место!
И через несколько секунд произнес, глядя в упор на речника:
— Придумайте-ка что-нибудь другое, друг мой!
— Как это что-нибудь другое?
— Я говорю, что ваша история никуда не годится. С этого места вы не могли видеть ни лавку, ни кусок реки, ограниченный двумя судами.
— Когда я говорю, что стоял здесь, я хочу сказать...
— Нет! Достаточно! Повторяю, что вам нужно придумать что-нибудь другое! Когда придумаете, придете ко мне! А если это опять не подойдет, то, ей-богу, придется еще раз посадить вас за решетку...
Машер не верил своим ушам. Смущенный неудачей, он, в свою очередь, встал в тот же угол, чтобы проверить утверждение комиссара.
— Да, конечно,— согласился он...
Что касается речника, то он даже и не пытался отвечать. Он опустил голову и смотрел на ноги Мегрэ ироническим и злым взглядом.
— Не забывай то, что я тебе только что заявил: давай другую историю, и более правдоподобную... Иначе — в тюрьму!.. Пойдемте, Машер!..
Мегрэ повернулся и направился к мосту, на ходу набивая трубку.
— Вы думаете, этот речник?..
— Я думаю, что сегодня вечером или завтра он принесет нам новое доказательство виновности Питерсов...
Инспектор Машер совсем растерялся...
— Не понимаю... Если у него есть доказательство...
— У него оно будет...
— Но каким образом?
— Откуда я знаю?.. Что-нибудь да придумает...
— Чтобы оправдать себя?
Но комиссар перевел разговор на другое. Он спросил:
— Есть у вас огонь?.. Вот уже зажигаю двадцать спичек, а они...
— Я не курю!
Машер не был вполне уверен, что услышал:
— Так я и знал...

Глава пятая

КАК МЕГРЭ ПРОВЕЛ ВЕЧЕР

Дождь пошел около полудня. В сумерки он еще сильнее забарабанил по булыжной мостовой. В восемь часов начался потоп.

Улицы Живе были пустынны. Вдоль набережной блестели огни баржей. Мегрэ, подняв воротник пальто, направился прямо к дому фламандцев, толкнул дверь (при этом раздался звонок, звук которого уже стал ему знакомым) и вдохнул теплый запах мелочной лавки.

Был тот же час, когда Жермена Пьедбёф вошла в лавку третьего января, после чего никто ее больше не видел.

Комиссар впервые заметил, что кухня была отделена от магазина только застекленной дверью. На ней висела тюлевая занавеска, через которую неясно различались контуры хозяев дома.

Кто-то поднялся с места.

— Не беспокойтесь!— крикнул Мегрэ.

Он вошел в кухню, вмешавшись таким образом в повседневную жизнь ее хозяев. Мадам Питерс встала и вышла в лавку. Ее муж сидел в своем плетеном кресле, так близко к печке, что было даже страшно: вдруг загорится. В руке он держал пеньковую трубку с длинным мундштуком из вишневого дерева. Но он уже перестал курить. Веки его были опущены. Из полуоткрытых губ исходило мерное дыхание.

Анна сидела у некрашенного стола, натертого песком и отполированного годами. Она что-то подсчитывала в маленькой записной книжке.

— Проводи комиссара в столовую, Анна!— сказала вернувшаяся мадам Питерс.

— Да нет же,— запротестовал он.— Я только на минутку.

— Дайте мне ваше пальто.

И Мегрэ заметил, что голос у мадам Питерс красивый, глубокий, а легкий фламандский акцент придает ему еще больше сочности.

— Но вы ведь выпьете чашку кофе?

Ему захотелось узнать, что она делала до его прихода. Он увидел на столе очки в стальной оправе, сегодняшнюю газету.

Дыхание старика, казалось, отмечало ритм жизни всего дома. Анна закрыла записную книжку, надела наконечник на карандаш, встала и сняла с этажерки чашку.

— Извините,— сказала она.

— Я надеялся познакомиться с вашей сестрой Марией.

Мадам Питерс горестно покачала головой. Анна объяснила:

— Вы ее не увидите в ближайшие дни... Разве что поедете к ней в Намюр. Сейчас приходила ее коллега, которая тоже живет в Живе... Сегодня утром Мария, выходя из поезда, вывихнула себе ногу в щиколотке...

— Где она?

— В школе... У нее там есть комната...

Мадам Питерс вздыхала, качая головой:

— Не знаю, чем мы провинились перед Господом!

— А Жозеф?

— Он не приедет раньше субботы... Правда, суббота уже завтра...

— А ваша кузина Маргарита к вам не заходила?

— Нет! Я видела ее в церкви, у вечерни...

В чашку налили горячего кофе. Мадам Питерс вышла и вернулась с рюмкой и с бутылкой можжевеловой водки.

— Это старый Шидам.

Мегрэ сел. Он не надеялся ничего узнать. Быть может, его присутствие здесь даже не имело прямого отношения к делу.

Этот дом напомнил Мегрэ одно следствие, которое ему когда-то пришлось вести в Голландии, но все же дом фламандцев чем-то отличался от того дома, и Мегрэ не мог определить, чем. Здесь был тот же покой, такой же насыщенный запахами воздух, то же ощущение плотности атмосферы, как будто она представляла собой твердое тело, которое могло разбиться при малейшем толчке. Время от времени плетеное кресло потрескивало, хотя старик сидел неподвижно. И жизнь по-прежнему шла в ритме его дыхания, так же, как и разговор.

Анна сказала что-то по-фламандски, и Мегрэ, который выучил несколько слов этого языка в Дельфзейле, понял следующее:

— Ты бы дала рюмку побольше...

Время от времени по набережной проходили люди. Дождь барабанил по витрине лавки.

— Вы мне сказали, что и тогда шел дождь, правда? Такой же сильный, как сегодня?

— Да... Кажется, такой же...

Теперь обе женщины снова сидели, глядя, как Мегрэ берет свою рюмку и подносит к губам.

У Анны были не такие тонкие черты лица, как у матери, и ей не хватало доброты и благожелательности, сквозившей в улыбке мадам Питерс. Она, как обычно, не спускала глаз с Мегрэ.

Заметила ли она исчезновение фотографии Жерара из ее спальни? Конечно, нет! Иначе она бы встревожилась.

— Мы живем здесь уже тридцать пять лет, господин комиссар,— сказала мадам Питерс.— Мой муж сначала завел здесь мастерскую для плетения корзин, в этом же доме, а потом мы надстроили этаж...

Мегрэ думал о другом: об Анне, когда она была на пять лет моложе и посетила Рошфорские пещеры вместе с Жераром Пьедбёфом.

Что толкнуло эту девушку в объятия ее спутника? Почему она отдалась ему? Какие мысли терзали ее потом?

Ему казалось, что это было единственное приключение в ее жизни, что больше у нее уже никого не будет...

Ритм жизни в этом доме был угнетающий. От можжевеловой водки голова Мегрэ отяжелела. Он слышал малейший шум, скрипение кресла, храп старика, слышал, как капли дождя барабанили по подоконнику.

— Сыграли бы вы мне снова ту пьесу, что играли утром,— сказал он Анне.

И так как она колебалась, мать добавила:

— Ну конечно!.. Она хорошо играет, правда?.. Она занималась шесть лет, три раза в неделю, с лучшим преподавателем в Живе...

Девушка вышла. Две двери, отделявшие ее от кухни, оставались открытыми. Щелкнула крышка рояля.

Несколько ленивых аккордов правой рукой.

— Ей следовало бы учиться петь...— прошептала мадам Питерс.— Маргарита поет лучше... Думали даже о том, не поступить ли ей в консерваторию...

Аккорды звучно раздавались в пустом доме. Старик не просыпался, и его жена, боясь, как бы он не выронил трубку, осторожно взяла ее у него из рук и повесила на гвоздь, вбитый в стену.

Почему Мегрэ все не уходил отсюда? Здесь больше ничего не узнаешь. Мадам Питерс слушала, поглядывая на свою газету, но не решаясь взять ее. Анна стала понемногу аккомпанировать себе левой рукой. Вероятно здесь, на этом столе, Мария обычно проверяла задания своих учеников.

И это было все!

Кроме того, что весь город обвинял Питерсов в том, что они убили Жермену Пьедбёф в такой же, как сегодня, вечер.

Мегрэ вздрогнул, услышав звонок в лавке. На мгновение ему почудилось, что сейчас сюда войдет любовница Жозефа, чтобы потребовать деньги на содержание ребенка, те сто франков, которые ей платили каждый месяц.

Это оказался речник в клетчатом плаще; он подал мадам Питерс маленькую бутылку, и она наполнила ее можжевеловой водкой.

— Восемь франков!

— Бельгийских?

— Нет, французских. Или десять бельгийских...

Мегрэ встал, прошел через лавку.

— Вы уже уходите?

— Я приду завтра.

Выйдя из дома, он увидел речника, который возвращался к себе на баржу. Мегрэ обернулся и посмотрел на дом. Со своей светлой витриной он был похож на театральную декорацию, в особенности потому, что из него доносилась нежная, сентиментальная музыка.

Не примешивался ли к ней и голос Анны:

Но ты ко мне вернешься,
Прекрасный мой жених.

Мегрэ месил ногами грязь; дождь был такой сильный, что его трубка погасла.

Теперь уже весь Живе казался ему похожим на театральную декорацию. Когда речник вернулся к себе на баржу, на улице не осталось ни души.

Только притушенный свет из нескольких окон. И шум разливающейся Мёзы постепенно заглушал звуки рояля.

Когда он прошел метров двести, он смог одновременно видеть в глубине сцены дом фламандцев и на первом плане другой дом — Пьедбёфов.

Во втором этаже не было света. Но коридор был освещен. Акушерка, должно быть, оставалась одна с ребенком.

Мегрэ был не в духе. Он редко до такой степени ощущал бесполезность своих усилий.

Зачем он, собственно говоря, сюда приехал? У него не было официального поручения. Люди обвиняли фламандцев в убийстве девушки. Но ведь не было даже уверенности в том, что она умерла!

Может быть, устав от своей бедной жизни в Живе, она уехала в Брюссель, в Реймс, в Нанси или в Париж и теперь сидела где-нибудь в пивной, угощаясь пивом с какими-нибудь случайными знакомыми?

А даже если она умерла, может быть, ее совсем и не убили?

Может быть, когда она, потеряв мужество, вышла из мелочной лавки, ее потянула к себе мутная река?

Никаких доказательств! Никаких признаков преступления! Машер тщательно вел следствие, но ничего не нашел, и прокуратура вот-вот положит дело под сукно.

Тогда зачем же Мегрэ мок под дождем в этом чужом городе?

Как раз напротив него, по другую сторону Мёзы, он видел завод, двор которого был освещен только одной электрической лампой. У самых ворот светилось окно сторожки.

Значит, старик Пьедбёф вышел на работу. Что он делает там всю ночь?

И вот комиссар, сам хорошенько не зная почему, засунув руки в карманы, направился к мосту. В кафе, где он утром выпил грогу, дюжина речников и владельцев буксиров разговаривали так громко, что их было слышно с набережной. Но комиссар не остановился.

От ветра вибрировали стальные лонжероны моста, который был построен вместо каменного, разрушенного во время войны.

А на другом берегу набережная даже не была вымощена. Приходилось шлепать по грязи. Какая-то бродячая собака прижалась к оштукатуренной белой стене.

В запертых воротах была проделана маленькая дверь. И Мегрэ увидел Пьедбёфа, который прижался лицом к окну сторожки.

— Добрый вечер!

На стороже была старая военная куртка, перекрашенная в черный цвет. Он тоже курил трубку. Посреди сторожки стояла маленькая печь, труба которой, сделав два колена, уходила в стену...

— Вы знаете, что не имеете права...

— Ходить сюда по ночам? Ничего!

Деревянная скамья. Старый стул. От пальто Мегрэ уже пошел пар.

— Вы всю ночь сидите здесь в сторожке?

— Нет, простите! Я должен трижды обойти дворы и цеха.

Издали его длинные седые усы имели внушительный вид. При ближайшем рассмотрении это был застенчивый человек, готовый замкнуться в себе и ясно сознающий свое весьма скромное положение.

Мегрэ смущал его. Он не знал, что ему сказать.

— В общем, вы всегда бываете один... Ночью здесь... Утром у себя в постели... а днем?

— Я работаю в саду!

— В саду акушерки?

— Да... Овощи мы делим пополам...

Комиссар заметил в золе какие-то круглые предметы. Он пошарил в ней кочергой и обнаружил неочищенные картофелины. Мегрэ понял. Он представил себе, как этот человек, совсем один, среди ночи ест картошку, устремив взгляд в пустоту.

— Ваш сын никогда не приходит к вам на завод?

— Никогда!

И здесь перед дверью, одна за другой, падали капли дождя, отмечая приглушенный ритм жизни.

— Вы в самом деле думаете, что ваша дочь была убита?

Человек ответил не сразу. Он не знал, куда девать глаза.

— Раз уж Жерар...

И вдруг в голосе его послышалось рыдание:

— Она бы не покончила с собой... Она бы не уехала...

Его слова прозвучали с неожиданным трагизмом. Сторож машинально набивал свою трубку.

— Если бы я не думал, что эти люди...

— Вы хорошо знаете Жозефа Питерса?

Пьедбёф отвернулся.

— Я знал, что он на ней не женится... Это богатые люди... А мы...

На стене висели красивые электрические часы, единственная роскошь в этой сторожке. Напротив них черная доска, на которой было написано мелом: прием на работу не производится.

Наконец, возле двери, сложный аппарат, который отмечал час прихода и ухода рабочих и служащих.

— Мне пора идти в обход...

Мегрэ чуть не предложил пойти вместе с ним, чтобы поглубже вникнуть в жизнь этого человека. Пьедбёф надел бесформенный плащ, при ходьбе шлепавший его по пяткам, взял в углу электрический фонарь.

— Не понимаю, почему вы настроены против нас... Может быть, это, в конце концов, естественно!.. Жерар говорит, что...

Но они вышли во двор, и разговор был прерван дождем. Пьедбёф проводил своего гостя до ворот, которые он хотел запереть прежде, чем начать обход.

Комиссар огляделся. Отсюда он видел город, разделенный на одинаковые участки железными прутьями ворот: барки, пришвартованные на другом берегу реки, дом фламандцев со своей освещенной витриной, набережную, где фонари через каждые пятьдесят метров отбрасывали круги света.

Было хорошо видно здание таможни, кафе речников. Ясно виден был угол переулка, в котором вторым налево был дом Пьедбёфов.

3 января...

— Ваша жена давно умерла?

— Через месяц будет двенадцать лет... Она умерла от чахотки...

— Что сейчас делает Жерар?

Фонарь качался в руке сторожа. Он уже вложил в замочную скважину большой ключ. Вдалеке засвистел поезд.

— Должно быть, он в городе...

— Вы не знаете, где приблизительно?

— Молодые люди собираются чаще всего в «Кафе у Мэрии».

И Мегрэ снова углубился в дождь, в темноту. В сущности, это не было следствием. Никакой отправной точки, никаких оснований.

Была только горсточка людей, живших каждый своей жизнью в маленьком городке, где свирепствовал ветер.

Быть может, все они были искренни? А может быть, душа кого-нибудь из них терзалась, испуганная, при мысли о плотной фигуре, бродившей в эту ночь по улицам?

Мегрэ прошел мимо своей гостиницы, но не заглянул в нее. Сквозь стекла окон он заметил инспектора Машера, разглагольствовавшего в группе людей, среди которых был и хозяин отеля. Чувствовалось, что все они выпили уже по четвертой или пятой рюмке.

Машер, чем-то воодушевленный, размахивал руками и, должно быть, говорил:

— Эти комиссары, которые приезжают из Парижа, воображают...

И они судачили о фламандцах! Рвали их на клочки!

В конце узкой улицы начинается обширная площадь. На углу кафе с белой вывеской, с тремя хорошо освещенными витринами: «Кафе у Мэрии».

Как только вы открываете дверь, вы сразу попадаете в шумный зал. Оцинкованный прилавок. Столы. Карты на красных скатертях. Дым трубок, сигарет и кислый запах пива.

— Две кружки пива!

Звон жетонов на мраморной дощечке кассы. Белый передник гарсона.

— Проходите сюда!

Мегрэ сел за первый попавшийся столик и сначала увидел Жерара Пьедбёфа в одном из запотевших зеркал, украшавших стены зала. Он тоже был возбужден, как и Машер. Заметив комиссара, он сразу замолчал и толкнул ногой своих собеседников.

Это был его приятель и две подружки. Все четверо сидели за одним столом. Молодые люди одного возраста. Женщины, вероятно, работницы с завода.

Все замолчали. Даже игроки в карты за другими столиками объявляли о своих взятках вполголоса, и взгляды всех устремились на вновь прибывшего.

— Кружку пива!

Мегрэ зажег трубку, положил свою шляпу, с которой капала вода, на банкетку, обтянутую коричневым молескином.

— Одну кружку пива!..

А Жерар Пьедбёф иронически улыбнулся и презрительно пробормотал вполголоса:

— Это друг фламандцев...

Он уже тоже выпил. Его глаза слишком блестели. Алые губы подчеркивали бледность его лица. Чувствовалось, что он возбужден. Он наблюдал за присутствующими. Искал, что бы такое сказать, что поразило бы его собутыльников.

— Ты понимаешь, Нини, когда ты разбогатеешь, тебе нечего будет бояться полиции.

Приятель толкнул его локтем, чтобы он замолчал, но в результате Жерар разошелся еще больше.

— Ну и что ж такого? Значит, теперь уже нельзя говорить то, что думаешь?.. Я повторяю: полицией распоряжаются богатые, ну, а если вы бедны, она...

Он был бледен. В сущности, он сам испугался своих слов, но хотел сохранить внимание всего зала.

Мегрэ сдул пену с пива, сделал большой глоток. Слышно было, как игроки вполголоса говорили, чтобы нарушить воцарившееся молчание.

— Три карты одной масти!

— Четыре валета!

— Тебе ходить!

— Крою!

А две молоденькие работницы, которые не осмеливались глядеть в сторону комиссара, ловили его отражение в зеркале.

— Можно подумать, что во Франции быть французом преступление. В особенности, если ты к тому же еще беден.

Хозяин у кассы нахмурился, повернулся к Мегрэ в надежде дать ему понять, что молодой человек пьян; но комиссар не смотрел на него.

— Пики!.. И еще раз пики! Ага... такого не ожидали...

— Люди, которые разбогатели на контрабанде!— продолжал Жерар так громко, что его слышал весь зал.— В Живе это знают! До войны они получали сигары и кружева... А теперь, поскольку алкоголь запрещен в Бельгии, они поят можжевеловой водкой фламандских речников... И поэтому их сын может стать адвокатом... Ему это очень пригодится, чтобы защищать самого себя!..

А Мегрэ сидел за столиком один, и на него смотрели все клиенты кафе.

Хозяин забеспокоился, предвидя скандал. Он подошел к комиссару:

— Умоляю вас, не обращайте внимания... Он выпил... И потом, он переживает за сестру...

— Пойдем отсюда, Жерар,— прошептала девушка, сидевшая рядом с ним.

— Чтобы он решил, что я его боюсь?

Он по-прежнему сидел спиной к Мегрэ. Каждый из них видел только отражение другого в зеркале.

Посетители кафе играли теперь уже из приличия, забывая отметить число очков на грифельной доске.

— Рюмку коньяка, гарсон!..

Хозяин хотел было отказать Жерару, но не посмел, учитывая, что Мегрэ все еще делает вид, что не замечает его.

— Мошенничество, да и только!.. Вот что это такое!.. Эти люди берут наших девушек и убивают их, когда им надоест... А полиция...

Комиссар представлял себе старика Пьедбёфа в его перекрашенной форменной куртке, представлял себе, как он обходит цеха, освещая себе путь фонарем, потом возвращается в свою сторожку, где тепло и где он будет есть печеный картофель.

Напротив был дом Пьедбёфов; акушерка, должно быть, уже уложила ребенка и, коротая вечер, читает или вяжет.

А там, дальше, мелочная лавка фламандцев: старика Питерса разбудили и повели в свою комнату, мадам Питерс закрывает ставни, а Анна одна раздевается у себя в спальне.

И уснувшие баржи в реке, от быстрого течения которой натягиваются канаты, скрипят рулевые колеса и ударяются друг о друга шлюпки.

— Еще кружку пива!

Мегрэ говорил спокойно. Он медленно курил, пуская клубы дыма к потолку.

— Вы все видите, что он издевается надо мной!.. Ведь он издевается!..

Хозяин был в отчаянии. Не знал, что делать. Начинался скандал.

Потому что при последних словах Жерар встал и наконец повернулся к Мегрэ. Черты его напряглись, губы искривились от гнева.

— Я говорю, что он приехал сюда только для того, чтобы издеваться над нами!.. Посмотрите на него!.. Он насмехается над нами, потому что я выпил рюмку... Или, вернее, потому, что у нас нет денег...

Мегрэ не двигался с места. Это было невероятно. Он был таким же неподвижным, как его мраморный столик. В руке он держал кружку и не переставая курил.

— Бубны козыри!— сказал один из игроков в надежде разрядить обстановку.

И тогда Жерар взял карты со стола и бросил их через зал.

В то же мгновение половина присутствующих была на ногах. Никто не приблизился, но все готовы были вмешаться.

Мегрэ сидел на своем месте и курил.

— Но посмотрите же на него!.. Он плюет на нас!.. Он прекрасно знает, что моя сестра убита...

Хозяин совсем растерялся. Две девушки, сидевшие за столом Жерара, смотрели друг на друга с ужасом и уже поглядывали на дверь.

— Он не смеет ничего сказать!.. Вы видите, он и рта не открывает!.. Он боится!.. Да, боится, что правда восторжествует!..

— Клянусь вам, он пьян!— воскликнул хозяин, видя, что Мегрэ поднимается с места.

Слишком поздно! Из всех присутствующих, без сомнения, больше всех струхнул Жерар.

На него надвигалась эта мрачная, мокрая, массивная фигура...

Он быстро сунул правую руку в карман, и при этом его движении

женщины громко вскрикнули. Молодой человек вытащил револьвер. Но рука комиссара мгновенно схватила его. Сейчас уже вскочили все клиенты, растерянно глядя на комиссара и молодого человека.

Револьвер был в руке у Мегрэ. Лицо Жерара выражало злобу, он был унижен своим поражением. И пока комиссар спокойным жестом клал оружие к себе в карман, молодой человек, задыхаясь, проговорил:

— Вы меня арестуете, правда?

— Иди ложись спать!— медленно произнес Мегрэ.

И так как Жерар, казалось, не понял, что он сказал, Мегрэ добавил:

— Откройте дверь!

В удушливую атмосферу кафе ворвалась струя свежего воздуха. Мегрэ, держа Жерара за плечо, вытолкал его на тротуар.

— Иди ложись спать!

И дверь снова закрылась.

— Он пьян в стельку!..— объяснил Мегрэ, снова садясь за столик, на котором стояла начатая кружка пива.

Клиенты все еще не знали, что им делать. Некоторые сели на свои места, другие колебались.

И тут Мегрэ, еще раз глотнув пива, вздохнул:

— Это не страшно!

Потом, обращаясь к игроку, который все еще стоял в нерешительности, добавил:

— Вы объявили бубны козырями!..

Глава шестая

МОЛОТОК

Мегрэ решил поспать подольше, и не оттого, что его охватила лень, а просто от безделья. Его разбудили около десяти часов, и это было неприятно.

Сначала кто-то громко стучал к нему в дверь, чего он терпеть не мог. Потом, еще не вполне проснувшись, он услышал, что по балкону барабанит дождь.

— Кто там?

— Машер.

Инспектор провозгласил свое имя так, словно раздался торжественный звук трубы.

— Входи!.. Отдерни-ка занавески...

И Мегрэ, все еще лежа в постели, увидел, что в окно сочится тусклый свет хмурого утра. Внизу торговка рыбой разговаривала с хозяином гостиницы.

— Есть новости!.. Получили сегодня утром с первой почтой...

— Минутку! Крикни, пожалуйста, вниз, чтобы мне принесли завтрак. Позвонить не могу — нет звонка.

И, все еще лежа в постели, Мегрэ зажег трубку, которая, уже набитая, лежала у него под рукой.

— Какие новости?

— О Жермене Пьедбёф.

— Она мертва.

— Мертвее не бывает.

Машер объявил об этом с удовлетворением, вытаскивая из кармана письмо, написанное на четырех страницах, украшенное полицейскими печатями и штемпелем.

«ПРЕПРОВОЖДЕНО ПРОКУРАТУРОЙ ЮИ МИНИСТЕРСТВУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В БРЮССЕЛЕ»

«ПРЕПРОВОЖДЕНО МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ В ПАРИЖЕ»

«ПРЕПРОВОЖДЕНО УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИЕЙ В ПАРИЖЕ ОПЕРАТИВНОЙ БРИГАДЕ В НАНСИ»

«ПРЕПРОВОЖДЕНО ИНСПЕКТОРУ МАШЕРУ В ЖИВЕ...»

— А ты можешь покороче?

— Так вот, в двух словах: ее вытащили из Мёзы, в Юи, иначе говоря, в сотне километров отсюда. Пять дней назад... Не сразу вспомнили о моем запросе бельгийской полиции. Но я вам сейчас прочту...

— Можно войти?

Вошла горничная с кофе и рогаликами. Когда она вышла, Машер продолжал:

—«Сего января двадцать шестого, тысяча девятьсот...»

— Нет, старина! Говори сразу, в чем дело...

— Так вот, почти наверняка она была убита... Теперь мы убеждены в этом не только с моральной точки зрения. Теперь это подтверждается фактами. Вот послушайте: «Насколько можно судить, тело находилось в воде в течение трех недель или месяца... Степень его...»

— Короче!— проворчал Мегрэ с полным ртом.

—«Степень его разложения...»

— Знаю! Читай заключение! А главное, пропусти описания!

— Да здесь их целая страница...

— Чего?

— Описаний... Ну, если вы не хотите... Это еще не совсем точно... Однако же ясно одно: то, что смерть Жермены Пьедбёф наступила гораздо раньше, чем ее тело появилось в воде, доктор говорит: за два или за три дня до этого...

Мегрэ по-прежнему макал свой рогалик в кофе и ел, глядя на четырехугольные окна, так что Машер даже подумал, что комиссар его не слушает.

— Это вас не интересует?

— Продолжай!

— Дальше идет отчет о вскрытии. Вы хотите, чтобы я?.. Нет?.. Так вот, мне остается сообщить вам самое интересное... Череп трупа проломлен, и врачи считают возможным утверждать, что смерть наступила из-за этой раны, нанесенной тяжелым инструментом, вроде молотка или куска железа...

Пока Мегрэ брился, инспектор Машер перечитывал донесение, которое он держал в руках.

— А это не кажется вам необычным?.. Нет, не удар молотком!.. Я говорю о том, что тело было брошено в воду только через два или три дня после убийства... Придется мне снова нанести визит фламандцам...

— У вас есть список вещей, надетых на Жермене Пьедбёф?

— Да... Постойте... Черные туфли со шнурками, довольно потрепанные... Черные чулки... Дешевое розовое белье... Платье из черной саржи, без этикетки...

— И это все? Пальто на ней не было?

— А ведь и правда...

— Дело происходило третьего января... Шел дождь... Было холодно...

Лицо Машера помрачнело. Он проворчал, не давая никаких объяснений:

— Очевидно.

— Что очевидно?

— Она была не в таких отношениях с Питерсами, чтобы они предложили ей раздеться... С другой стороны, я не вижу, зачем было убийце ее пальто... Тогда он мог бы совсем раздеть ее, чтобы труднее было опознать тело...

Мегрэ мылся с большим шумом и даже обрызгал водой инспектора, хотя тот и стоял посреди комнаты.

— Пьедбёфы уже знают?..

— Нет еще... Я думал, вы возьмете на себя...

— И не собираюсь! Я ведь не в служебной командировке! Поступайте так, как будто вы здесь один, старина!

Он застегнул воротничок, надел пальто и подтолкнул Машера к двери.

— Мне сейчас нужно выйти... До скорого!..

* * *

Мегрэ и сам не знал, куда идет. Он вышел для того, чтобы выйти или, вернее, чтобы снова углубиться в атмосферу этого города. По дороге он случайно остановился перед медной дощечкой с надписью:

ДОКТОР ВАН ДЕ ВЕЕРТ

Прием с десяти утра до двенадцати

Несколько минут спустя его провели мимо трех пациентов, которые ожидали в приемной, и он очутился перед маленьким человеком с розовой, как у ребенка, кожей, с волосами такими же белыми, как у мадам Питерс.

— Надеюсь, ничего неприятного?

Доктор потирал руки, и вся его фигура выражала привычный оптимизм.

— Моя дочь мне сказала, что вы согласились...

— Прежде всего, я хотел бы задать вам один вопрос. Какая сила

нужна для того, чтобы проломить череп женщине, ударив по нему молотком?

Мегрэ наслаждался растерянностью этого маленького человека: доктор был в старомодном пиджаке; живот его пересекала толстая цепочка от часов.

— Череп?.. Откуда мне это знать?.. Мне никогда не приходилось, в Живе...

— Например, как вы думаете, способна ли женщина...

Доктор совсем растерялся, замахал руками.

— Женщина? Но ведь это безумие!.. Женщина никогда не подумает...

— Вы вдовец, мсье Ван де Веерт?

— Вот уже двадцать лет! К счастью, моя дочь...

— Что вы думаете о Жозефе Питерсе?

— Но... это отличный молодой человек! Я бы предпочел, чтобы он избрал медицину, тогда я оставил бы ему свой кабинет. Но, честное слово, если у него есть способности к праву... Это замечательная личность...

— А в отношении здоровья?

— Здоровье у него очень хорошее! Очень! Его немного утомляет столь упорная работа и то, что он так быстро растет...

— У Питерсов нет никаких наследственных пороков?

— Наследственных пороков?

Он был так поражен, словно никогда не слышал о наследственных пороках.

— Вы просто потрясли меня, комиссар! Я не понимаю! Вы уже видели мою кузину. У нее такое крепкое сложение, что она проживет сто лет.

— И ваша дочь тоже?

— Она более хрупкая... Похожа на свою мать... Но позвольте предложить вам сигару...

Это был настоящий фламандец, каких мы видим на цветных фото для рекламы можжевеловой водки, фламандец с розовыми губами, со светлыми глазами, свидетельствующими о простоте его души.

— Итак, ваша дочь должна была выйти замуж за своего двоюродного брата?

Доктор слегка помрачнел.

— Конечно, рано или поздно! Если бы не его неудачное приключение...

Для доктора это было только неудачное приключение.

— Эти люди не могли понять, что лучше всего им было согласиться принять небольшую сумму на содержание ребенка и, по возможности, переехать в другой город... По-моему, это ее брат особенно несговорчивый...

Нет, на него положительно нельзя было сердиться. Он говорил искренне! Искренне до наивности!

— А кроме того, нет никаких доказательств, подтверждающих, что ребенок от Жозефа... Ему было бы гораздо лучше в санатории, вместе с матерью...

— Короче говоря, ваша дочь ждала.

И Ван де Веерт улыбнулся.

— Она любит его с четырнадцати или с пятнадцати лет... Разве это не прекрасно?.. У вас есть спички?.. Что до меня, если вы хотите знать мое мнение, то здесь никакой драмы. Эта девушка, которая всегда была потаскушкой, просто нашла где-нибудь нового друга... А ее брат воспользовался всей этой историей, чтобы попытаться выкачать деньги.

Он не спрашивал мнения Мегрэ. Он был уверен, что его собственные доводы верны. Одновременно он прислушивался к неясным звукам в приемной, где пациенты, должно быть, уже стали терять терпение.

Тогда комиссар спокойно, с таким же невинным взглядом, как и у его собеседника, задал последний вопрос:

— Как вы думаете, мадемуазель Маргарита — любовница своего двоюродного брата?

Ван де Веерт, кажется, готов был возмутиться. Лоб его покраснел. Но в нем победило другое чувство: ему стало грустно, что его до такой степени не понимают.

— Маргарита?.. Да вы с ума сошли... Кто это мог выдумать такое? Чтобы Маргарита была... была...

А Мегрэ, который уже взялся за ручку двери, вышел, даже не улыбнувшись. В доме пахло одновременно и кухней, и аптекой. Служанка, открывавшая дверь пациентам, была такая свеженькая, словно только что вылезла из горячей ванны.

Но на улице снова дождь, грязь, грузовики, обрызгивающие ею тротуары.

Была суббота. Жозеф Питерс должен был приехать днем и провести воскресенье в Живе. В «Кафе моряков» шли страстные споры, потому что Управление мостами и дорогами только что объявило о возобновлении навигации от границы до Мэстрихта.

Однако, учитывая силу течения, владельцы буксиров вместо десяти франков требовали пятнадцать за каждую тонну. К тому же выяснилось, что одна из арок намюрского моста закрыта нагруженной камнями баржей, у которой оборвались канаты и которая встала поперек пилонов моста.

— Есть убитые? — спросил Мегрэ.

— Жена и сын. А сам владелец баржи, находившийся в то время в бистро, явился на берег, когда судно уже уплыло!

На велосипеде проехал Жерар Пьедбёф, возвращавшийся из заводской конторы. А спустя несколько секунд Мегрэ заметил идущего из дома фламандцев Машера, который ходил туда сообщить новость. Инспектор позвонил у дверей Пьедбёфов и был весьма сухо принят отворившей ему дверь акушеркой.

* * *

— За что это тебя таскали в полицию нравов?

На борту большинства баржей жилое помещение отличается такой

чистотой, какую редко встретишь в домах. Но только не на «Полярной звезде».

Этот речник не был женат. Ему помогал парень лет двадцати, немного слабоумный, время от времени подверженный приступам эпилепсии.

В каюте пахло казармой. Речник ел хлеб с колбасой и запивал красным вином из литровой бутылки.

Он был не так пьян, как обычно. Недоверчиво поглядев на Мегрэ, он долго не решался заговорить.

— Это даже не попытка изнасиловать... Я уже два или три раза переспал с этой девкой... Однажды вечером встретил ее на дороге, и она мне отказала под тем предлогом, что я выпил... Тогда я схватил ее. Она завизжала... Мимо, будто случайно, проходили полицейские, и я ударом кулака свалил одного из них на землю...

— Пять лет?

— Мне чуть было их не пришили. Она отрицала, что раньше жила со мной... Мои приятели показали это на суде, но им поверили лишь наполовину... Если бы не полицейский, который угодил на две недели в больницу, мне бы дали только год, может быть, даже условно...

И он опять стал резать хлеб своим карманным ножом.

— Вы не хотите пить?.. Завтра, может быть, мы уйдем отсюда... Ждем только, пока освободят намюрский мост...

— А теперь скажи мне, зачем ты придумал историю с женщиной, которую будто бы видел на набережной?

— Я?

Он старался выиграть время, чтобы подумать, делал вид, что ест с аппетитом.

— Признайся, ты ведь совсем ничего не видел!

Мегрэ заметил, что в глазах его собеседника мелькнул радостный огонек.

— Вы так думаете? Ну что же, вы, конечно, правы!

— Кто просил тебя сказать это?

— Меня?

Он все еще балагурил. Выплевывал прямо перед собой кожу от колбасы.

— Где ты встретился с Жераром Пьедбёфом?

— Ах, вот оно что...

Но Мегрэ, сидевший напротив него, был так же безмятежен, как и он сам.

— Он для тебя что-нибудь делал?

— Платил за выпивку.

Потом вдруг добавил с беззвучным смехом:

— Да ведь это неправда! Я говорю так, чтобы доставить вам удовольствие... Если вы хотите, чтобы я заявил в суде обратное, вы только подайте мне знак.

— Что же ты на самом деле видел?

— Если я скажу, вы мне не поверите.

— Все равно, говори!

— Ну так вот: я видел женщину, которая кого-то ждала... Потом пришел мужчина, и она бросилась к нему в объятия...

— Кто это был?

— Да разве я мог узнать их в темноте?

— Где ты стоял?

— Я возвращался из бистро...

— А куда пошла эта пара? К фламандцам?

— Нет! Они пошли к задней стороне.

— К задней стороне чего?

— Дома... Ну да что там! Если вы хотите, чтобы это было вранье... Я привык к таким вещам, понимаете... Когда меня судили, обо мне рассказывали столько всякого... Даже мой адвокат — он-то и оказался самым главным вруном...

— Тебе случается зайти выпить стаканчик у фламандцев?

— Мне?.. Да они отказываются мне наливать, потому что я как-то сломал их весы, ударив по ним ногой... Они признают только таких клиентов, которые, напившись, сидят молча, не двигаясь.

— Так Жерар Пьедбёф говорил с тобой?

— А на чем я сейчас остановился?

— Что он просил тебя сказать...

— Ну, так вот это уж правда... И такая уж правда, ей-богу, что я никогда не скажу вам то, что знаю, потому что терпеть не могу легавых, а вас, как и всех других!.. Можете пойти и повторить это судье. И я поклянусь, что вы меня побили и покажу следы ударов... Но это не мешает мне предложить вам стаканчик красного вина, если вам охота выпить...

Но тут Мегрэ посмотрел ему в глаза и вдруг поднялся с места.

— Покажи-ка мне твое судно!— сухо сказал он.

Что это было? Удивление? Ужас? Просто досада? Во всяком случае, лицо этого человека с набитым ртом скривилось в гримасе.

— Что вы хотите осмотреть?

— Минутку...

И Мегрэ вышел. Но он тотчас же вернулся с таможенным чиновником в блестящем от дождя плаще. Хозяин баржи усмехнулся:

— Я уже прошел досмотр...

Комиссар сказал таможеннику:

— Вы ведь привыкли... Я думаю, почти все баржи в большей или меньшей степени перевозят контрабандные товары.

— Даже не почти все, а все!

— Где они обычно прячут эти товары?

— По-разному... Прежде они складывали их в водонепроницаемые мешки, которые привязывали под баржей... Но теперь мы пропускаем цепь под килем, так что это невозможно... Иногда под полом, то есть между полом и дном... Но мы обычно проделываем несколько дыр с помощью огромного сверла.

— И значит...

— Постойте!.. Какой у тебя груз?

— Железный лом.

— Это будет слишком уж долго,— проворчал таможенник,— надо искать в другом месте.

А Мегрэ не спускал глаз с хозяина баржи. Он надеялся, что тот невольно укажет взглядом какой-то тайник. Речник продолжал есть без аппетита, просто чтобы чем-нибудь заняться. Он не испугался, напротив, упорно не вставал с места.

— Встань!

На этот раз он нехотя повиновался.

— Значит, теперь я даже не имею права сидеть у себя дома?

На стуле лежала просаленная подушка. Мегрэ взял ее. Три стороны подушки были зашиты обычным образом. На четвертой виднелись грубые стежки, совсем не похожие на работу портнихи.

— Благодарю вас! Вы мне больше не нужны!— сказал комиссар таможеннику.

— Вы считаете, что он мошенничает?

— И не думаю... Благодарю вас...

И он подождал, пока чиновник удалился.

— А это что такое?

— Да ничего!

— Ты всегда засовываешь в подушки такие твердые предметы?

Шов распоролся. В отверстии виднелось что-то черное. И вскоре Мегрэ развернул маленький плащ из саржи, потрепанный и смятый. Это была такая же саржа, как та, что упоминалась в отчете бельгийской прокуратуры. Фирменной этикетки не было. Плащ был сшит самой Жерменой Пьедбёф.

Но это было не самое интересное. В плащ был завернут молоток с ручкой, отполированной от долгого употребления.

— Забавнее всего то,— проворчал речник,— что вы сейчас попадете пальцем в небо... Я ничего не сделал... А эти две штуки я вытащил из Мёзы четвертого января, в первом часу ночи.

— И тебе явилась удачная мысль хорошенько припрятать их!

— Начинаю привыкать!— ответил хозяин с довольным видом.— Вы меня арестуете?

— Это все, что ты можешь сказать?

— Нет, еще то... что вы попали пальцем в небо!

— Ты все же уходишь завтра?

— Возможно, если вы меня не арестуете.

Вероятно, он удивился, как никогда в жизни, увидев, что Мегрэ старательно завернул пакет, сунул его себе под пальто и ушел, не говоря ни слова.

Он смотрел, как комиссар удалялся по набережной, под дождем, как он прошел мимо таможенника, который отдал ему честь. Потом речник, почесывая голову, снова спустился в каюту и налил себе вина.

Глава седьмая

ПЕРЕРЫВ НА ТРИ ЧАСА

Когда Мегрэ вернулся в свою гостиницу, чтобы позавтракать, хозяин сказал ему, что почтальон приносил на его имя заказное письмо, но не захотел оставить.

Это был словно сигнал, после которого началось множество мелких неприятностей, совпавших, как будто намеренно, чтобы вывести человека из себя. Едва лишь сев за стол, комиссар справился о своем коллеге. Его никто не видел. Мегрэ попросил позвонить к нему в гостиницу. Оттуда ответили, что Машер ушел с полчаса назад.

В сущности, это было неважно. У Мегрэ даже не было права давать Машеру инструкции. Но комиссару хотелось посоветовать ему, чтобы он не терял из вида речника с баржи.

В два часа Мегрэ был на почте, где ему вручили заказное письмо. Глупая история. Он купил мебель, но когда ее доставили, отказался за нее заплатить, потому что она не соответствовала сделанному им заказу. Поставщик предъявил свои требования.

Ему пришлось добрых полчаса составлять ответ, потом писать письмо жене и объяснять ей, что в связи с этим нужно сделать.

Он еще не закончил письмо, когда его позвали к телефону. Это был начальник уголовной полиции, который спрашивал, когда он вернется, и просил сообщить кое-какие подробности, касающиеся двух или трех текущих дел.

На улице все еще шел дождь. Пол в кафе был покрыт опилками. В этот час там никого не было, и гарсон воспользовался свободным временем, чтобы тоже написать письмо.

Забавная деталь: Мегрэ терпеть не мог писать на мраморных столах, а других здесь не было.

— Позвоните в вокзальную гостиницу и спросите, не приходил ли инспектор.

Мегрэ овладело мрачное настроение, которое тем более угнетало, что для него не было серьезной причины. Два или три раза он подходил к окну и касался лбом запотевшего стекла. Небо немного посветлело, дождь редел. Но покрытая грязью набережная оставалась пустынной.

Около четырех часов комиссар услышал свисток. Он бросился к дверям и увидел буксир, который впервые после начала половодья выплевывал густой пар.

Река все еще с силой несла свои воды. Буксир, узенький и совсем легкий, по сравнению с баржами, похожий на чистокровного коня, отделился от берега и буквально поднялся носом вверх; казалось, его сейчас унесет течением.

Опять свисток, более пронзительный. И буксир выдержал. За ним виднелся натянутый канат. Первая баржа отделилась от группы ожидавших судов и стала поперек Мёзы.

На порогах нескольких кафе собрались люди, чтобы наблюдать за

отправкой. В борьбу с рекой по очереди вступили две, потом три баржи; они описали полукруг, и тут, издав горделивый свисток, буксир рывком направился в Бельгию, а баржи, следуя за ним, стремились по возможности выстроиться в прямую линию.

«Полярной звезды» среди них не было.

* * *

«... и поэтому я прошу вас распорядиться, чтобы из моей квартиры на бульваре Ришар Ленуар забрали мебель, которую...»

Мегрэ писал необыкновенно медленно, как будто пальцы его были слишком толсты для пера, которым он давил на бумагу. В результате получался очень мелкий, но жирный почерк, похожий на ряд пятен.

— Мсье Питерс едет мимо на мотоцикле...— объявил гарсон, который зажигал лампы и задергивал занавески на витрине.

Часы показывали половину пятого.

— Не всякий согласится проехать двести километров по такой погоде! Он с ног до головы в грязи!

— Альбер!.. Подойди к телефону!— крикнула хозяйка.

Мегрэ подписал письмо и вложил его в конверт.

— Это вас, господин комиссар... из Парижа...

И Мегрэ попытался обуздать свое плохое настроение. Звонила его жена. Она спрашивала, когда он вернется.

— Алло... Приезжали за мебелью...

— Я знаю! Делаю все необходимое...

— Еще есть письмо от твоего английского коллеги, который...

— Да, дорогая! Это не важно...

— У вас там холодно? Одевайся потеплее... Ты ведь все еще простужен...

Почему его охватило почти болезненное нетерпение? Он был во власти какого-то неясного чувства. Ему казалось, что он упускает что-то, теряет время, стоя в этой кабине.

— Я буду в Париже дня через два или три.

— Так нескоро!

— Да... Целую тебя... До свидания...

Вернувшись в кафе, он спросил, где почтовый ящик.

— Как раз на углу нашей улицы, возле табачной лавочки,— объяснил хозяин.

Стемнело. Мёза угадывалась только по отражениям фонарей. Возле ствола одного из деревьев комиссар заметил чей-то силуэт. Мегрэ удивился — вряд ли кто-нибудь вышел бы подышать свежим воздухом под таким дождем и ветром.

Он бросил письмо в почтовый ящик, обернулся и увидел, что силуэт отделился от дерева. Мегрэ сделал несколько шагов, а незнакомец последовал за ним.

Комиссар не стал мешкать. Он быстро обернулся и схватил человека за шиворот.

— Ты что здесь делаешь?

У него была слишком сильная хватка. Лицо незнакомца налилось кровью. Мегрэ разжал руку.

— Говори!

Что-то неприятно поражало его. Бегающий взгляд этого человека тревожил еще больше, чем его принужденная улыбка.

— Ты работаешь на «Полярной звезде»?

Человек радостно кивнул головой.

— Ты подстерегал меня?

На лице несчастного появилась какая-то смесь страха и радости. Но разве речник не сказал Мегрэ, что его работник не в своем уме и что по временам у него бывают приступы эпилепсии?

— Не смейся! Говори, что ты здесь делаешь?

— Смотрю на вас.

— Это твой хозяин велел тебе следить за мной?

Мегрэ не мог грубо обращаться с этим беднягой, который вызывал жалость, тем более, что это был взрослый перень лет двадцати.

— Не бейте меня!

— Пошли!

Многие баржи уже сдвинулись с места. Впервые за последние несколько недель на их палубах царило оживление: готовились к отплытию. Женщины шли за провизией. Повсюду шныряли таможенники, поднимались на суда.

Соседние баржи удалялись в сторону, а «Полярная звезда» оставалась одна, и нос ее немного отошел от берега. В каюте виднелся свет.

— Иди вперед!

Нужно было перейти через мостик, состоявший из одной только доски, гибкой и неустойчивой.

На борту никого не было, хоть там и горела керосиновая лампа.

— Где твой хозяин держит свою воскресную одежду?

Мегрэ задал вопрос потому, что в каюте царил необычайный беспорядок.

Работник открыл стенной шкаф и выразил удивление. На дне его валялась одежда, которая была на речнике еще сегодня утром.

Работник стал неистово жестикулировать. Он ничего не знал!

— Ну ладно! Можешь оставаться здесь.

Обескураженный Мегрэ вышел и наткнулся на таможенного чиновника.

— Вы не видели речника с «Полярной звезды»?

— Нет. А он не на борту? Я думал, он хочет уйти завтра рано утром.

— Это его баржа?

— Да нет, что вы! Она принадлежит его двоюродному брату, который живет в Флемале. Такой же оригинал, как и он...

— Сколько он зарабатывает перевозкой грузов?

— Франков шестьсот в месяц... Может быть, немного больше, если учитывать контрабанду. Но ненамного...

Дом фламандцев был освещен. Свет виднелся не только в окнах лавки, но и на втором этаже.

Несколько минут спустя там зазвенел звонок, Мегрэ вытер ноги о соломенный коврик и крикнул мадам Питерс, которая уже выбежала из кухни:

— Не беспокойтесь!

* * *

Первая, кого он увидел, когда его проводили в столовую, была Маргарита Ван де Веерт; она перелистывала какую-то партитуру.

Воздушнее, чем когда-либо, в своем светло-голубом атласном платье, она приветливо улыбнулась комиссару.

— Вы хотите видеть Жозефа?

— А его здесь нет?

— Он пошел наверх переодеться... Это безумие ездить на мотоцикле в такую погоду! Особенно для него, он и так слабого здоровья и переутомлен своими занятиями...

Это была не любовь! Скорее обожание! Чувствовалось, что она может часами сидеть неподвижно и глядеть на этого молодого человека.

Что же в нем было такого, чтобы он мог внушить подобные чувства? Разве его сестра не говорила о нем примерно в таких же выражениях?

— Анна с ним?

— Она готовит ему одежду.

— А вы? Вы давно пришли сюда?

— Около часу назад.

— Вы знали, что Жозеф Питерс должен приехать?

Она слегка смутилась. Но это продолжалось только секунду, и она тут же ответила:

— Он приезжает каждую субботу, в один и тот же час.

— В доме есть телефон?

— Здесь нет! А у нас есть, конечно. Отцу ведь он все время нужен.

Сам не зная почему, Мегрэ начинал чувствовать к ней неприязнь. Или, точнее, она теперь раздражала его! Ему не нравилась эта инфантильная манера держаться, нарочито детская речь, взгляд, которому она старалась придать наивную чистоту.

— Ну вот! Он спускается сюда...

И действительно, на лестнице послышались шаги. В столовую вошел Жозеф Питерс, чистенький, свежий, только что причесанный влажной гребенкой.

— Ах, вы здесь, господин комиссар?

Он не посмел подать Мегрэ руку и, повернувшись к Маргарите, спросил:

— А ты ему еще ничего не предложила?

Слышно было, как в лавке несколько человек говорили по-фламандски. Пришла Анна. Спокойная, она склонилась в реверансе, которому, вероятно, ее обучили в монастыре.

— Это правда, господин комиссар, что вчера вечером произошел скандал в одном из городских кафе?.. Я знаю, люди всегда преувеличивают...

4—001111

Но садитесь же!.. Жозеф! Пойди принеси чего-нибудь выпить...

В комине горели торфяные брикеты. Рояль был открыт.

Мегрэ старался вспомнить впечатление, сложившееся у него еще тогда, когда он впервые пришел сюда, но каждый раз, как ему казалось, что он достиг цели, мысль его убегала в сторону.

Здесь что-то изменилось. Но только он не понимал, что.

Его охватила досада. Лицо у него было замкнутое, упрямое, как в те дни, когда ему не везло. Точнее, ему хотелось сказать некстати что-нибудь неожиданное, чтобы нарушить окружавшую его обстановку.

Причиной этого неясного чувства была, главным образом, Анна. Она была все в том же темно-сером костюме, придававшем ее фигуре неподвижные формы статуи.

Неужели и впрямь недавние события не взволновали ее? Она двигалась, но при этом ни одна складка ее одежды не шевелилась. Лицо оставалось безмятежным.

Она напоминала героиню из античной трагедии, заблудившуюся в повседневной и мелочной жизни маленького приграничного городка.

— Вам случается иногда отпускать товары в магазине?

— Часто. Я заменяю маму.

— И наливаете вино?

Она не улыбнулась. Только произнесла с удивлением:

— А почему бы и нет?

— Речники иногда бывают пьяны, не так ли? Они, наверное, очень фамильярны, даже нахальны?

— У нас — никогда!

И она снова превратилась в статую! Она была уверена в себе!

— Вы хотите портвейна или?..

— Налейте лучше рюмку того Шидама, которым вы меня угощали в прошлый раз.

— Жозеф, спроси у мамы бутылку из старых запасов.

И Жозеф повиновался.

Ошибся ли Мегрэ, вообразив себе следующую иерархию в этой семье: сначала Жозеф, настоящее божество для всех. Потом Анна, потом Мария. Затем мадам Питерс, посвятившая себя торговле. И, наконец, отец, спящий в своем кресле.

Но сейчас Анна, казалось, беспрепятственно заняла первое место.

— Вы не обнаружили ничего нового, господин комиссар?.. Видели, что баржи потихоньку стали двигаться? Навигация восстановлена до Льежа, а может быть и до Маастрихта. Через два дня здесь будет одновременно не больше трех-четырех баржей.

Почему она это сказала?

— Нет, Маргарита! Возьми рюмки, а не стаканы.

Маргарита как раз вынимала стаканы из буфета.

Мегрэ все еще мучила потребность нарушить обстановку в доме, и вот, воспользовавшись тем, что Жозеф пошел в лавку, а его кузина выбирала рюмки, он показал Анне фотографию Жерара Пьедбёфа.

— Мне нужно поговорить с вами о нем!..— сказал он вполголоса.

Он пристально смотрел на нее. Но если он надеялся изменить безмятежное выражение ее лица, ему пришлось разочароваться. Она только подала ему знак, как будто оба они было в заговоре. Знак, который означал:

— Хорошо... Но потом...

И, обращаясь к вошедшему брату, спросила:

— Там еще много народа?

— Пять человек.

Тут выяснилось, что Анна не лишена чувства такта. На бутылке, принесенной Жозефом, был маленький оловянный наконечник, благодаря которому можно наливать из нее вино, не теряя ни капли. Прежде чем налить, девушка сняла это приспособление, подчеркнув таким образом, что оно неуместно в гостиной, в присутствии приглашенных.

Мегрэ с минуту разогревал свою рюмку в руке.

— За ваше здоровье!— сказал он.

— За ваше здоровье!— повторил Жозеф Питерс; из присутствующих, кроме Мегрэ, пил только он один.

— Теперь у нас есть доказательство, что Жермена Пьедбёф была убита.

Только Маргарита испустила легкий, испуганный крик, настоящий крик девушки, который можно услышать со сцены в театре.

— Это ужасно!

— Мне уже говорили, но я не хотела верить,— сказала Анна,— это еще усложнит наше положение, не правда ли?

— Или облегчит! В особенности, если мне удастся доказать, что третьего января вашего брата не было в Живе.

— Почему?

— Потому что Жермена Пьедбёф была убита ударом молотка.

— Боже мой! Замолчите!..

Это воскликнула Маргарита. Она поднялась, смертельно бледная, готовая потерять сознание.

— Молоток у меня в кармане.

— Нет... Умоляю вас... Не показывайте его...

Анна же была по-прежнему спокойна. Она обратилась к брату:

— Твой приятель вернулся?

— Вчера.

Тогда она объяснила комиссару:

— С этим приятелем он провел вечер третьего января в одном из кафе в Нанси... Приятель уехал в Марсель дней десять назад, по случаю смерти матери... Он только сейчас вернулся...

— За ваше здоровье!..— ответил Мегрэ, осушив свою рюмку.

И, взяв бутылку, он снова налил себе. Время от времени дребезжал звонок. Или слышался звук маленькой лопатки, которой насыпали сахар в бумажный мешок, и стук весов.

— Вашей сестре не лучше?

— Думаю, что она сможет встать в понедельник. Но сюда она, конечно, не скоро приедет.

— Она выходит замуж?

— Нет. Она хочет постричься в монахини. Она давно уже мечтает об этом.

Почему Мегрэ угадал, что в лавке что-то происходит? Звуки были все те же, может быть, даже потише. Минуту спустя, однако, они услышали, как мадам Питерс сказала по-французски:

— Пройдите, он в гостиной.

Дверь отворилась и закрылась. На пороге остановился инспектор Машер, очень возбужденный; он силился казаться спокойным и смотрел на комиссара, который сидел за столом, намереваясь выпить рюмку можжевеловой водки.

— В чем дело, Машер?

— Я... Я хотел бы сказать вам пару слов наедине...

— О чем?

— О...

Он не решался говорить и подавал Мегрэ знаки, которые были понятны всем.

— Не стесняйся, говори...

— Речник...

— Он вернулся?

— Нет... Он...

— В чем-нибудь признался?

Для Машера это была пытка. Он пришел сообщить известие, казавшееся ему крайне важным, которое он хотел сохранить в тайне, а тут его заставляли говорить в присутствии трех лиц!

— Он... Нашли его фуражку и пиджак...

— Старый или новый?

— Не понимаю.

— Нашли его воскресный пиджак, из синего сукна?

— Да, из синего сукна... На берегу...

Все молчали. Анна стоя смотрела на инспектора, и ни одна черта ее лица не дрогнула. Жозеф Питерс нервно потирал руки.

— Продолжай!

— Он, наверное, бросился в Мёзу... Его фуражку выловили около баржи, стоявшей чуть подальше... Баржа ее остановила. Понимаете?

— Продолжай!

— А пиджак был на берегу... К нему была приколота эта записка...

Он осторожно вытащил ее из бумажника. Бесформенный клочок бумаги, весь мокрый от дождя. С большим трудом можно было прочесть:

«Я подонок. Уж лучше головой в реку...»

Мегрэ прочел это негромко. Жозеф Питерс нетвердым голосом спросил:

— Не понимаю... Что он хочет этим сказать?

Машер стоял обескураженный, смущенный. Маргарита переводила с одного на другого свои большие невыразительные глаза.

— Я думаю, что вы...— начал инспектор.

А Мегрэ встал, любезный, с сердечной улыбкой. Обращаясь главным образом к Анне, он сказал:

— Вот видите!.. Я вам сейчас говорил о молотке...

— Замолчите!— умоляюще проговорила Маргарита.

— Что вы делаете завтра днем?

— Как всегда по воскресеньям... Проводим время в своей семье... Не будет только Марии...

— Вы мне позволите зайти к вам и засвидетельствовать свое почтение? Может быть, вы приготовите этот замечательный рисовый пудинг?

И Мегрэ направился в коридор, где он надел пальто, которое от дождя стало вдвое тяжелее.

— Извините меня...— пробормотал Машер.— Это комиссар пожелал...

— Пошли!

Глава восьмая

ПОСЕЩЕНИЕ МОНАХИНЬ ОРДЕНА СВЯТОЙ УРСУЛЫ

Возле того места, где выловили фуражку, собралась группа людей, но комиссар, увлекая за собой Машера, направился в сторону моста.

— Вы мне ничего не сказали об этом молотке... Иначе было бы очевидно...

— Что ты делал весь день?

У инспектора был вид нашалившего школьника.

— Ездил в Намюр... Хотел удостовериться в том, что Мария Питерс и в самом деле вывихнула...

— Ну и что же?

— Меня туда не пустили... Я оказался в женском монастыре, где монахини смотрели на меня, как на таракана, попавшего в суп...

— А ты настаивал?

— Даже угрожал им.

Мегрэ скрыл улыбку, он забавлялся. Возле моста он вошел в гараж, где можно было взять напрокат автомобиль, и попросил машину с шофером, чтобы съездить в Намюр.

— Пятьдесят километров туда и пятьдесят обратно вдоль Мёзы.

— Поедешь со мной?

— А вы хотите?.. Ведь я вам объяснил, что вас туда не пустят. Не говоря уже о том, что теперь, когда нашли молоток...

— Ладно! Займись чем-нибудь другим. Возьми и ты машину. Объезди все маленькие вокзалы на двадцать километров вокруг. Убедись в том, что речник не уехал на поезде...

И машина Мегрэ тронулась в путь. Удобно раскинувшись на сиденье, комиссар с блаженством покуривал трубку; снаружи ничего не было видно, кроме огней, горевших, как звезды, по обе стороны пути. Он знал, что Мария Питерс была учительницей в школе, которую содержали монахини ордена святой Урсулы. Он знал также, что в церковной иерархии эти монахини занимают такое же место, как иезуиты, то есть образуют в

некотором роде аристократию, занимающуюся преподаванием. Школу в Намюре посещали дети из высшего общества этой провинции.

Поэтому и было так забавно представить себе, как Машер спорит с монахинями, требует, чтобы его впустили, а главное, еще угрожает.

«Я забыл спросить его, как он их величал,— подумал Мегрэ.— Наверное, он говорил «мадам» или «сестрица».

Мегрэ был высокий, тяжелый, широкоплечий, с крупными чертами лица. Однако же, когда он позвонил у входа в монастырь на маленькой провинциальной улице, где между булыжниками росла трава, сестра-привратница, открывшая ему дверь, ничуть не испугалась.

— Я хотел бы поговорить с настоятельницей,— сказал он.

— Она в часовне... Но как только служба кончится...

И его провели в приемную, по сравнению с которой в столовой Питерсов царили беспорядок и неопрятность. Здесь вы, словно в зеркале, могли видеть в паркете свое отражение. Чувствовалось, что даже самые мелкие предметы никогда не переставлялись с места на место, что стулья уже долгие годы стояли в том же порядке, что часы на камине никогда не останавливались, не спешили, не отставали...

В коридорах, выложенных роскошными плитками, слышались скользящие шаги, порой шепот. А издали доносилась нежная органная музыка.

Коллеги с набережной Орфевр, конечно, удивились бы, увидя, как свободно чувствовал себя здесь Мегрэ. Когда вошла настоятельница, он скромно поклонился, назвав ее так, как полагается называть монахинь ордена святой Урсулы: «матушка».

Она ждала, спрятав руки в рукава.

— Извините, что я побеспокоил вас, но я хотел бы попросить у вас разрешения посетить одну из ваших учительниц... Я знаю, что по правилам это не положено... Но поскольку дело идет о жизни или, во всяком случае, о свободе человека...

— Вы тоже из полиции?

— Кажется, к вам приходил инспектор?

— Был какой-то господин, который сказал, что он из полиции, нашумел здесь и ушел, крича, что мы еще о нем услышим...

Мегрэ извинился за него, оставаясь спокойным, вежливым. Он произнес несколько любезных фраз, и немного погодя привратнице было поручено предупредить Марию Питерс, что ее хотят видеть.

— Это очень достойная девушка, не правда ли, матушка?

— Я могу сказать о ней только одно хорошее. Вначале мы, настоятель и я, сомневались, принимать ли ее, потому что ее родители коммерсанты... Дело не в их мелочной лавке... Но тот факт, что там распивочно продают вино... Однако же мы не посчитались с этим и нисколько не жалеем... Вчера, спускаясь с лестницы, она вывихнула щиколотку и с тех пор лежит в постели очень подавленная — она считает, что подвела нас...

Вернулась сестра-привратница. Мегрэ пошел за ней по бесконечным

коридорам. По дороге он встретил несколько групп учениц. Все они были одинаково одеты: черное платье в мелкую складку и вокруг шеи голубая лента.

Наконец на третьем этаже отворилась дверь. Привратница не знала, оставаться ли ей здесь или уходить.

— Оставьте нас, сестрица...

Совсем простая комната. На стенах, выкрашенных масляной краской, религиозные литографии в черных рамках и большое распятие.

Железная кровать. Тщедушная фигурка, едва заметная под одеялом.

Мегрэ не видел ее лица. Закрыв дверь, он несколько секунд стоял неподвижно, не зная, куда деть свою мокрую шляпу, свое толстое пальто.

Наконец он услышал подавленный плач. Но Мария Питерс все еще прятала голову под одеяло и лежала лицом к стене.

— Успокойтесь!— машинально пришептал он.— Ваша сестра Анна, наверное, сказала вам, что я скорее ваш друг...

Но это не успокоило девушку. Напротив! Ее тело сотрясалось теперь в настоящих рыданиях.

— Что сказал доктор? Долго ли вам придется пролежать в постели?

Было неловко разговаривать с невидимой собеседницей. Тем более, что Мегрэ даже не был с нею знаком!

Рыдания утихли. К ней, должно быть, вернулось самообладание. Она всхлипывала, и рука ее искала под подушкой носовой платок.

— Почему вы такая нервная? Мать настоятельница сейчас говорила мне столько хорошего о вас!

— Оставьте меня!— умоляюще прошептала она.

В эту минуту постучали в дверь и вошла настоятельница, которая словно ждала подходящего момента, чтобы вмешаться.

— Простите меня! Но я знаю, что наша бедная Мария такая чувствительная...

— Она всегда была такой?

— Это на редкость деликатная натура. Когда она узнала, что ей нельзя будет двигатся из-за этого вывиха и что она целую неделю не сможет преподавать, у нее начался приступ отчаяния... Но покажите нам ваше лицо, Мария...

Девушка решительно покачала головой в знак отрицания.

— Мы, конечно, знаем,— продолжала настоятельница,— в чем люди обвиняют ее семью. Я велела отслужить три обедни, чтобы правда поскорее обнаружилась... Я и сейчас только что молилась за вас, Мария...

Наконец-то она повернулась к ним лицом. Маленькое, худое, бледное личико с красными пятнами от лихорадки и слез.

Она совсем не походила на Анну, скорее — на свою мать, от которой унаследовала тонкие черты, но, к сожалению, такие неправильные, что ее нельзя было назвать хорошенькой. Нос был слишком длинный и острый, рот большой, с тонкими губами.

— Простите меня,— сказала она, вытирая глаза носовым платком.— Я слишком нервная... И мысль о том, что я лежу здесь, в то время как... Вы комиссар Мегрэ? Вы видели моего брата?

— Я оставил его меньше часа назад у вас дома. В обществе Анны и вашей кузины Маргариты...

— Ну, как он держится?

— Очень спокойно. Верит, что все уладится...

Что это, она опять сейчас примется плакать? Настоятельница подбадривала Марию взглядом. Она была счастлива, что комиссар говорит так спокойно, авторитетно — это могло только благоприятно воздействовать на больную.

— Анна сказала мне, что вы решили постричься в монахини...

Мария снова заплакала. Даже не пыталась скрыть слезы. Она была лишена какого-либо кокетства и не стеснялась показывать им свое мокрое, распухшее от слез лицо.

— Этого решения мы ждали уже давно,— прошептала настоятельница.— Мария больше принадлежит религии, чем миру...

Снова начался приступ отчаяния, раздались рыдания, сотрясающие ее тощую грудь. Тело по-прежнему металось, руки вцепились в одеяло.

— Видите, ведь я правильно поступила, не пустив сюда того господина,— тихонько сказала настоятельница.

Мегрэ все еще стоял в своем пальто, от которого он казался еще плотнее. Он смотрел на маленькую кровать, на эту несчастную девушку.

— У нее был врач?

— Да... Он сказал, что вывих не опасный. Самое главное — это нервный припадок, начавшийся уже после. Может быть, оставим ее?.. Успокойтесь, Мария... Я пошлю к вам мать Жюльену, она посидит с вами.

В коридоре настоятельница говорила тихо, скользя по натертому паркету.

— Она всегда была не очень здоровой... Этот скандал окончательно расшатал ей нервы, и, конечно, из-за возбуждения она и упала на лестнице... Ей стыдно за брата, за родных... Она несколько раз говорила мне, что после этого наш орден не примет ее в свое лоно... Целыми часами она лежит распростертая, устремив взгляд в потолок, отказываясь от всякой пищи. Потом, без видимой причины, начинается приступ... Ей делают уколы, чтобы подбодрить ее...

Они уже спустились на первый этаж.

— Могу я спросить у вас, что вы думаете об этом деле, господин комиссар?

— Можете, но мне очень трудно будет вам ответить... По чистой совести могу утверждать, что сам ничего не знаю. Только завтра...

— Вы думаете, завтра?..

— Мне остается, матушка, лишь поблагодарить вас и извиниться за свой визит... Может быть, вы мне позволите позвонить вам, чтобы узнать, как себя чувствует больная?

Наконец он оказался на улице. Вдохнул свежего воздуха, напоенного влагой. Нашел свое такси, стоявшее у тротуара.

— В Живе!— и с наслаждением набил свою трубку, потом улегся в глубине машины.

На повороте, недалеко от Динана, он заметил столб с указателем: «Рошфорские пещеры».

Но не успел прочесть, сколько до них километров. Только бросил взгляд в темноту поперечной дороги. И представил себе прекрасный воскресный день, набитый туристами поезд, две пары: Жозеф Питерс с Жерменой Пьедбёф и Анна с Жераром...

Наверное, было жарко... На обратном пути пассажиры везли, конечно, букеты полевых цветов...

Анна сидела на скамье взволнованная, растерянная. Быть может, она ловила взгляд человека, изменившего сегодня все ее существо?

А Жерар, очень веселый, разговаривал, отпускал шутки и неспособен был понять, что событие, произошедшее в тот день, было важное, почти решающее.

Пытался ли он вновь увидеть ее? Продолжалась ли их связь?

«Нет!— ответил самому себе Мегрэ.— Анна поняла! Она не строила иллюзий относительно своего приятеля! Уже на следующий день она, должно быть, стала его избегать».

И он воображал, как она хранила свою тайну, как в продолжении нескольких месяцев боялась последствий этих объятий и возненавидела лютой ненавистью мужчин, всех мужчин.

— Свезти вас в вашу гостиницу?

Вот уже Живе, бельгийская граница и дежурный таможенник в форме цвета хаки, французская граница, баржи, дом фламандцев, набережная в непролазной грязи.

Мегрэ удивился, нащупав у себя в кармане тяжелый предмет. Он сунул туда руку и обнаружил молоток, про который совсем забыл.

Инспектор Машер, услышав, что подъехала машина, вышел на порог кафе и смотрел, как Мегрэ расплачивается с шофером.

— Вас туда впустили?

— Конечно, черт побери!

— Удивительно! Если говорить начистоту, я был убежден, что ее там нет.

— А где же она должна быть?

— Не знаю... Не понимаю... В особенности после того, как нашли молоток... Знаете, кто ко мне приходил?

— Речник?

Мегрэ вошел в зал, заказал кружку пива и уселся в углу у окна.

— Почти! В конце концов, это приблизительно то же самое... Приходил Жерар Пьедбёф... Я объездил на машине все вокзалы... Ничего не нашел...

— И он открыл вам, где прячется речник?

— Во всяком случае он сказал, что видели, как тот садился в поезд, отходивший в четыре пятнадцать с вокзала в Живе... Этот поезд идет в Брюссель...

— Кто его видел?

— Приятель Жерара... Он предложил привести его ко мне...

— Я накрою на двоих?— спросил хозяин кафе.

— Да... Нет... Все равно...

Мегрэ жадно пил пиво.

— Это все?

— Думаете, этого недостаточно?.. Если его действительно видели на вокзале, значит, он жив... Главное, сбежал... А если сбежал...

— Очевидно!

— Вы думаете то же, что и я!

— Я ровно ничего не думаю, Машер! Мне жарко! Мне холодно! По-моему, я здорово простудился... Я ощупываю себя и думаю, не лечь ли мне спать без ужина... Еще кружку, гарсон!.. Или нет! Лучше грогу... И побольше рому туда...

— У нее и в самом деле вывихнута нога?

Мегрэ не ответил. Он был мрачен. По-видимому, его что-то тревожило.

— Итак, следователь, наверное, выдал тебе незаполненный ордер на арест?

— Да... Но он посоветовал мне быть очень осторожным: в маленьком городке могут быть всякие настроения. Он просил, чтобы я позвонил ему прежде, чем действовать решительно.

— А что ты собираешься делать?

— Я уже позвонил в уголовную полицию в Брюсселе, чтобы речника арестовали, когда он сойдет с поезда. Мне придется просить вас отдать мне молоток.

К большому удивлению нескольких посетителей кафе, комиссар вытащил молоток из кармана и положил его на стол.

— Это все?

— Надо, чтобы вы предъявили его. Ведь это вы его нашли.

— Да нет! Мы скажем всем, что это ты нашел молоток.

Глаза Машера заблестели от радости.

— Благодарю вас. Это очень ценно для моего продвижения по службе.

— Я накрыл на двоих, возле печки!— объявил хозяин.

— Спасибо!.. Я пойду спать!.. Не хочется есть...

И Мегрэ поднялся к себе в номер, пожав руку своему коллеге.

Должно быть, он простудился. Два дня расхаживал в промокшей одежде — ведь он не захватил с собой запасного костюма.

Он лег измученный. Добрые полчаса его одолевали неясные картины, проплывавшие перед глазами в утомительном ритме.

Правда, в воскресенье утром Мегрэ первым был на ногах. В кафе он застал только гарсона, который включил кофейную машину и наполнял ее верхнюю часть молотым кофе.

Город еще спал. Заря только что сменила ночь, и еще горели фонари. А на реке слышно было, как люди на баржах перекликаются, бросают друг другу швартовы; подошел буксир и стал во главе вереницы баржей. Новый караван судов отправлялся в Бельгию и Голландию.

Дождя не было, но изморось капельками падала на плечи.

Где-то звонили колокола. В доме фламандцев загорелся огонь. Отворилась дверь. Мадам Питерс тщательно закрыла ее и ушла торопливыми

шагами, держа в руках молитвенник в суконном футляре.

Мегрэ все утро провел на улице, по временам только заходя в кафе, чтобы пропустить рюмку спиртного и согреться. Осведомленные люди предсказывали, что грянет мороз и что для районов, залитых половодьем, это будет катастрофой.

В половине восьмого мадам Питерс, вернувшись с обедни, открыла ставни в лавке и зажгла плиту на кухне.

Только около девяти часов на пороге на секунду показался Жозеф, без воротничка, еще неумытый, с растрепанными волосами.

В десять часов он пошел к обедне вместе с Анной, на которой было новое платье из бежевого сукна.

В кафе речников еще не было известно, согласится ли владелец буксира, прибытия которого ожидали, отправиться в тот же день с караваном судов, и потому хозяева баржей все время сидели там и только порой выходили посмотреть на реку вверх по течению.

Было около полудня, когда Жерар Пьедбёф вышел из дома в воскресном костюме, обутый в желтые ботинки, в светлой фетровой шляпе и перчатках. Он прошел совсем рядом с Мегрэ... Сначала он, кажется, не собирался заговорить и даже поздороваться с ним.

Но не мог удержаться, чтобы не бросить комиссару вызов или не высказать все то, что он думает.

— Я вас стесняю, правда? Потому что вы, наверно, меня ненавидите!

У него были синяки под глазами. После его выходки в кафе возле мэрии он жил в постоянной тревоге.

Мегрэ пожал плечами, повернулся к нему спиной и увидел акушерку, которая, посадив в коляску ребенка и толкая ее перед собой, направлялась к центру города.

Машер не показывался. Мегрэ встретил его только около часа и как раз в «Кафе у Мерии». Жерар сидел за другим столиком с двумя приятелями и тем самым товарищем, с которым он был в прошлый вечер.

Машера окружали три человека, и комиссару показалось, что он их уже где-то видел.

— Помощник мэра... Полицейский комиссар... Его секретарь...— представил их инспектор.

Все они были в воскресных костюмах и пили анисовый аперитив. На столе уже стояло по три блюдца на каждого. Машер казался необыкновенно уверенным в себе.

— Я как раз говорил этим господам, что следствие уже почти закончено... Теперь это зависит, главным образом, от бельгийской полиции. Удивляюсь, почему я до сих пор не получил телеграммы из Брюсселя с сообщением о том, что речник арестован...

— В воскресенье после одиннадцати утра телеграммы не разносят!— заявил помощник мэра.— Хотя вы можете получить ее на почте... Что вам предложить, господин комиссар?.. Вы знаете, о вас много говорили здесь в округе!..

— Очень польщен!

— Я хочу сказать, что говорили отнюдь не в положительном смысле. Вашу позицию истолковывали как...

— Гарсон, кружку пива! Холодного!

— Вы пьете пиво в такое время дня?

По улице проходила Маргарита, и по тому, как она держалась, чувствовалось, что она самая элегантная женщина в городе и знает, что все взгляды устремлены на нее.

— Неприятно, что эти дела, связанные с нравами... Послушайте! Вот уже десять лет, как в Живе не было таких дел... Последний раз один рабочий-поляк...

— Извините меня, господа...

Мегрэ бросился к выходу, догнал на главной улице Анну Питерс и ее брата, которые шли, высоко подняв головы, словно бросая вызов всем подозрениям.

— Я позволю себе зайти к вам днем, как я уже говорил вчера...

— В котором часу?

— В половине четвертого... Вам это удобно?

И он, нахмурившись, вернулся в гостиницу, где позавтракал, одиноко сидя за столиком.

— Соедините меня с Парижем.

— По воскресеньям, после одиннадцати, телефон не работает.

— Очень жаль!

Во время завтрака он читал маленькую местную газету; его позабавил один заголовок: «Мрак вокруг тайны Живе сгущается».

Для него это была уже не тайна.

Глава девятая

ВОКРУГ ПЛЕТЕНОГО КРЕСЛА

Из всех семейных церемоний, которые он наблюдал в то воскресенье в доме Питерсов, Мегрэ больше всего поразило, что плетеное кресло отца было перенесено из кухни в гостиную.

В течение недели место этого кресла, а следовательно и старика, было возле плиты. Даже если в столовой принимали гостей, Питерс не показывался.

Но у него было воскресное место возле окна, выходившего во двор. Пеньковая трубка с длинным чубуком из вишневого дерева лежала на подоконнике, возле банки с табаком.

В кожаном кресле поменьше, скрестив свои толстенькие ножки, лицом к горевшим брикетам сидел доктор Ван де Веерт.

Читая отчет судебного врача, он, не переставая, покачивал головой, одобрял, удивлялся, разводил руками.

Наконец он протянул отчет Мегрэ. Маргарита, сидевшая между ними, хотела взять его.

— Нет! Тебе не нужно,— сказал Ван де Веерт.

— Это, должно быть, больше заинтересует вас?— сказал Мегрэ, передавая листки Жозефу Питерсу.

Они все сидели вокруг стола: Жозеф и Маргарита, Анна и ее мать, которая время от времени вставала, чтобы последить за кофе.

По бельгийскому обычаю, доктор пил бургундское, покуривая сигарету, то и дело проводя ее зажженным концом у себя под подбородком.

Проходя мимо кухни, Мегрэ заметил на столе полдюжины испеченных пудингов.

— Конечно, это хороший отчет... Например, в нем не говорится о том... о том...

Он со смущенным видом посмотрел на дочь.

— Вы понимаете, что я хочу сказать... В нем не говорится...

— О том, была ли она изнасилована!— резко сказал Мегрэ.

И чуть не расхохотался, увидя, как шокирован доктор — тот считал, что таких слов и произносить нельзя.

— Это было бы интересно знать, потому что в таких случаях... Вот, например, в тысяча девятьсот...

Он продолжал говорить, но комиссар его не слушал. Он смотрел на Жозефа Питерса, который читал отчет.

Этот отчет содержал подробное описание трупа Жермены Пьедбёф, в том виде, в каком он был вытащен из Мёзы, описание точное, без всяких недомолвок.

Жозеф был бледен. Ноздри его запали, и он вдруг стал похож на свою сестру Марию.

Казалось, он сейчас бросит чтение, вернет бумаги Мегрэ. Когда он переворачивал страницу, Анна, читавшая через его плечо, остановила его:

— Подожди...

Ей оставалось прочесть еще три строки. Потом оба они принялись читать следующую страницу, которая начиналась так:

«...пролом в черепной коробке настолько велик, что в ней не осталось ни малейшей частицы мозга...»

— Возьмите, пожалуйста, ваш стакан, господин комиссар. Я сейчас накрою на стол.

И мадам Питерс поставила пепельницу, сигары и графин с можжевеловой водкой на камин, потом разостлала на столе скатерть с ручной вышивкой.

Ее дети все еще читали. Маргарита с завистью смотрела на них. А доктор заметил, что его не слушают, и замолчал, продолжая курить.

Дойдя до конца второй страницы, Жозеф Питерс смертельно побледнел, щеки его ввалились и потемнели, на висках выступила испарина. Он забыл перевернуть страницу, и это пришлось сделать Анне; она одна продолжала чтение до конца.

Маргарита встала и дотронулась до плеча молодого человека:

— Мой бедный Жозеф!.. Тебе не следовало... Послушай меня: выйди на минутку подышать свежим воздухом...

Мегрэ воспользовался этим:

— А это хорошая мысль! Мне тоже не мешает размять ноги...

Немного позже оба они с непокрытыми головами оказались на набережной. Дождь перестал. Несколько рыбаков с удочками опустили свои лески в узкие промежутки между баржами. С другой стороны моста слышался беспрерывный звонок, созывающий зрителей в кинотеатр.

Питерс нервно зажег сигарету, устремив взгляд на убегающую поверхность воды.

— На вас это подействовало, правда? Извините меня за этот вопрос... Вы что, теперь собираетесь жениться на Маргарите?

Наступило долгое молчание. Жозеф не поворачивался лицом к Мегрэ, который видел только его профиль. Наконец он посмотрел на дверь лавки, украшенную светящимися рекламами, потом на мост, потом опять на Мёзу.

— Не знаю...

— Но вы ведь любили ее...

— Почему вы заставили меня прочесть этот отчет?

И он провел ладонью по лбу. Когда отнял ее, она была влажной.

— А ведь Жермена была далеко не такая красивая?

— Замолчите... Я не знаю... Мне столько раз повторяли, что... Маргарита красива, изысканна, умна, хорошо воспитана...

— А теперь?

— Не знаю...

Ему не хотелось говорить. Он произносил слова против воли, потому что невозможно было молчать. Он порвал бумагу своей сигареты.

— И она согласна выйти за вас замуж, несмотря на то, что у вас сын?

— Она хочет усыновить его.

Черты лица Жозефа были неподвижны. Но чувствовалось, что он болен от отвращения, от усталости. Краем глаза он наблюдал за Мегрэ, боясь, что тот станет задавать ему новые вопросы.

— У вас в семье как будто все считают, что свадьба состоится скоро... А что, Маргарита ваша любовница?

Он неслышно проговорил:

— Нет...

— Она не захотела?

— Не она... Я сам... Я никогда об этом и не думал... Вам не понять...

И вдруг проговорил с бешенством:

— Придется мне жениться на ней! Это необходимо! Вот и все!

Двое мужчин по-прежнему не смотрели друг на друга. Мегрэ, который вышел без пальто, начал мерзнуть.

В эту минуту дверь лавочки открылась. Послышался звонок, уже знакомый комиссару. Потом голос Маргариты, слишком нежный, слишком вкрадчивый.

— Жозеф!.. Что ты там делаешь?..

Взгляд Питерса скрестился с взглядом Мегрэ. Жозеф, казалось, говорил: «Вот видите!»

А Маргарита продолжала:

— Ты простудишься... Все уже за столом... Что с тобой?.. Ты бледен...

Она на мгновение остановилась, чтобы посмотреть на угол узкой улицы, где стоял дом Пьедбёфов, который не видно было со стороны лавочки. Анна нарезала пудинг.

* * *

Мадам Питерс говорила мало, как будто чувствовала, что она здесь на втором плане. И напротив, когда говорил кто-нибудь из ее детей, она одобряла его улыбками или кивала головой.

— Вы меня простите, господин комиссар... Быть может, то, что я скажу, и глупо...

И она положила на тарелку Мегрэ большой ломоть рисового пудинга.

— Я слышала, что на борту «Полярной звезды» нашли какие-то предметы и что речник сбежал... Он несколько раз приходил сюда... Мне пришлось выставить его за дверь, во-первых, потому, что он хочет, чтобы ему все отпускали в кредит, а во-вторых, что он пьян с утра до вечера... Но я не это хотела сказать... Если он сбежал, значит, он виноват... А в таком случае, следствие закончено, не так ли?

Анна ела с равнодушным видом, не глядя на Мегрэ. А Маргарита обратилась к Жозефу:

— Скушай хоть маленький кусочек... Прошу тебя!.. Сделай это для меня...

А Мегрэ с полным ртом обратился к мадам Питерс:

— Я мог бы ответить на ваш вопрос, если бы я руководил следствием, но ведь это не так... Не забудьте, что это ваша дочь попросила меня приехать сюда и попытаться доказать вашу невиновность...

Ван де Веерт беспокойно вертелся на стуле, словно хотел что-то сказать, но ему не давали вставить ни слова.

— Но ведь, в конце концов...

— Инспектор Машер остается хозяином положения и...

— Но в конце концов, комиссар, существует же иерархия... Он ведь только инспектор, а вы...

— Здесь я никто... Послушайте! Если сейчас я захотел бы допросить кого-либо из вас, то вы даже имели бы право не отвечать мне... Я поднялся на баржу только потому, что речник ничего не имел против этого... Случайно я нашел там орудие, которым было совершено преступление, и плащ, который был на жертве...

— Но тогда...

— Пока что ничего!.. Попытаемся арестовать этого человека. Может быть, это уже и сделано! Но только он способен защищаться. Например, он может сказать, что нашел где-то этот молоток и этот плащ, и хранил их, не зная, что они собой представляют. Он может также сказать, что сбежал из страха... У него уже были неприятности с правосудием... Он знает, что ему труднее поверить, чем кому-нибудь другому...

— Да ведь это совсем неубедительно!

— Обвинение почти никогда не бывает убедительным, так же, как и защита... Можно было бы обвинить и других... Знаете, что я выяснил

сегодня днем?.. Что Жерар, брат Жермены, уже целый месяц не знает, как выпутаться из скверной истории, в которую он замешан... Он задолжал всем... Хуже того! Его уличили в том, что он взял деньги в кассе, и пока он не выплатит этой суммы, у него вычитают каждый месяц половину жалованья...

— Это правда?

— Значит можно обвинить его в том, что он погубил свою сестру, чтобы получить за это вознаграждение...

— Это было бы ужасно,— вздохнула мадам Питерс, которая, слушая этот разговор, не в силах была есть.

— Вы-то его довольно хорошо знали,— сказал Мегрэ, повернувшись к Жозефу.

— Я с ним иногда встречался, давно уже...

— До рождения ребенка, не так ли?.. Вы несколько раз вместе совершали экскурсии... Если не ошибаюсь, ваша сестра даже сопровождала вас в эти пещеры... как их?

— Это правда?— удивилась мадам Питерс, повернувшись к дочери.— А я и не знала.

— Не помню!— сказала Анна, не переставая есть и не сводя глаз с комиссара.

— Впрочем, это неважно... Но о чем я говорил?.. Не дадите ли вы мне кусочек пудинга, мадемуазель Анна? Нет, не фруктового... Я остаюсь верен вашему великолепному рисовому пудингу... Это вы его приготовили?

— Она!— торопливо подтвердила мать.

И вдруг наступила тишина, потому что Мегрэ замолчал и никто не осмеливался заговорить. Слышались звуки жующих челюстей. Комиссар уронил на пол вилку и наклонился, чтобы поднять ее. При этом он увидел, что Маргарита поставила свою ногу в изящной туфельке на ногу Жозефа.

— Инспектор Машер — предприимчивый молодой человек.

— У него не очень-то умный вид,— заметила Анна.

И Мегрэ понимающе улыбнулся ей.

— У людей так редко бывает умный вид! Я, например, как только оказываюсь в присутствии возможного преступника, всегда стараюсь выглядеть идиотом.

Впервые Мегрэ позволил себе то, что можно было бы назвать откровенностью.

— Форма вашего лба не может измениться!— поторопился вежливо заявить доктор Ван де Веерт.— И для того, кто хоть немного занимался френологией... Послушайте! Я уверен, что вы ужасно вспыльчивый...

Трапеза, наконец, закончилась. Комиссар первый отодвинул свой стул, взял трубку и начал набивать ее.

— Знаете, что вам следовало бы сделать, мадемуазель Маргарита? Сесть за рояль и сыграть нам «Песню Сольвейг»...

Она колебалась, посмотрела на Жозефа, как бы спрашивая у него совета, в то время как мадам Питерс прошептала:

— Она так хорошо играет!.. И поет!..

— Я жалею только об одном: мадемуазель Мария вывихнула себе ногу и потому не может быть с нами... Сегодня я здесь последний день...

Анна живо повернула к нему голову:

— Вы скоро уезжаете?

— Сегодня вечером... Я ведь не рантье... Кроме того, я женат, и моя жена уже теряет терпение.

— А инспектор Машер?

В лавке зазвенел звонок. Послышались торопливые шаги, затем стук в дверь.

Это был сам Машер, очень возбужденный.

— Комиссар здесь?

Он не сразу увидел Мегрэ, удивленный тем, что попал на семейное сборище.

— Что случилось?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Вы позволите?

И Мегрэ, пройдя вместе с инспектором в магазин, облокотился о прилавок.

* * *

— Как мне отвратительны эти люди!

Машер, сморщившись, указал подбородком на дверь столовой.

— Один только запах их кофе и их пудинга...

— Ты это и хотел мне сказать?

— Нет. У меня есть новости из Брюсселя. Поезд пришел туда по расписанию.

— Но речника там не было?

— Вы это уже знали?

— Я это подозревал. Ты что, считаешь его идиотом? А я нет. Он, должно быть, вышел на какой-нибудь маленькой станции, сел на другой поезд, потом опять пересел... Сегодня вечером он, может быть, будет в Дании. Или в другом месте... Может быть, даже в Париже.

Но Машер смотрел на комиссара, усмехаясь:

— Если бы у него были деньги!

— Ты что имеешь в виду?

— Да я все проверил. Этого человека зовут Кассен. Вчера утром он не мог заплатить по своему счету в бистро и ему отказались налить вина... Более того... Он всем был должен... Вплоть до того, что лавочники решили не допустить, чтобы его баржа ушла отсюда...

Мегрэ смотрел на своего коллегу с равнодушным видом.

— Ну и что?

—Я этим не ограничился. И мне было нелегко, потому что большинства людей не оказалось дома... Я даже ходил в кино, чтобы коекого расспросить.

Мегрэ, покуривая трубку, забавлялся тем, что ставил гири на обе чаши весов, пытаясь добиться равновесия.

5—001111

— Я выяснил, что Жерар Пьедбёф вчера занял две тысячи франков, поставив в виде гарантии подпись своего отца, потому что никто не соглашался дать ему денег, если подпишется он сам.

— И он встретился с речником?

— В том-то и дело! Один таможенник видел, как Жерар Пьедбёф и Кассен шли вдвоем по берегу, недалеко от большой таможни.

— В котором часу?

— Около двух...

— Отлично!

— Что отлично? Если Пьедбёф дал Кассену денег...

— Осторожнее с выводами, Машер! Ведь так опасно делать заключение...

— Во всяком случае, человек, у которого утром не было ни гроша, уехал с поездом, отошедшим после полудня, и с деньгами в кармане. Я был на вокзале. Он платил за свой билет тысячефранковой ассигнацией. Видимо, у него были еще и другие.

— Или еще одна?

— Может быть, несколько, может быть, одна... Что бы вы сделали на моем месте?

— Я?

— Да.

Мегрэ вздохнул, постучал трубкой о каблук, показал на дверь столовой.

— Я пошел бы выпить рюмку можжевеловой... Тем более, что нам поиграют на рояле!

— Это все, что...

— Ну пойдем... Тебе ведь нечего делать в городе в такое время. Где Жерар Пьедбёф?

— В кино «Скала» с одной фабричной работницей.

— Бьюсь об заклад, что они взяли ложу!

И Мегрэ с беззвучным смехом подтолкнул своего коллегу к столовой, где контуры предметов начали уже расплываться в сумерках. От кресла Ван де Веерта медленно поднималась струйка дыма. Мадам Питерс убирала в кухне посуду, Маргарита сидела за роялем и меланхолично перебирала пальцами клавиши.

— Вы и в самом деле хотите, чтобы я играла?

— Да, я очень хотел бы... Сядь сюда, Машер...

Жозеф стоял, облокотившись о камин, устремив взгляд на затуманенное окно.

Зима пройдет,
И весна промелькнет,
И весна промелькнет.
Увянут цветы,
Снегом их занесет,
Снегом их занесет...

Маргарита пела нетвердым голосом. Больших усилий ей стоило дойти до конца. Два раза она ошиблась в аккордах.

Но ты ко мне вернешься,
Мой дорогой жених,
И будешь ты со мной.

Анны уже не было в комнате. Ее не было и в кухне, где мадам Питерс ходила взад и вперед, стараясь поменьше шуметь, чтобы не мешать пению.

Я сердце тебе отдала...

Маргарите не виден был мрачный силуэт Жозефа, который погасил свою сигарету.

Теперь, когда уже совсем стемнело, огонь горящих брикетов отбрасывал пурпурные отблески на все окружающее, в особенности на полированные ножки стола.

К великому удивлению Машера, который не смел двинуться с места, Мегрэ вышел так тихо, что этого никто не заметил. Он поднялся по лестнице, стараясь, чтобы не скрипнула ни одна ступенька, и очутился перед двумя закрытыми дверями.

На площадке была почти полная темнота. Только фарфоровые ручки дверей образовали два пятна молочного цвета.

Наконец комиссар положил зажженную трубку в карман, повернул одну из ручек, вошел и закрыл за собой дверь.

Анна была здесь. Из-за задернутых занавесок в спальне было темнее, чем в столовой. В воздухе словно плавала серая пыль, которая местами, например в углах, была гуще, чем посредине.

Анна не двигалась. Неужели она ничего не слышала?

Она стояла у окна, против света, повернув лицо к закатному пейзажу Мёзы. На другом берегу уже зажгли фонари, которые пронизывали сумерки своими острыми лучами.

Глядя на нее со спины, можно было подумать, что Анна плачет. Она была высокого роста и казалась мощнее, «скульптурней», чем когда-либо.

А ее серое платье буквально растворялось в окружавшей ее темноте.

Одна дощечка паркета, одна-единственная, заскрипела, когда Мегрэ был уже на расстоянии одного шага от девушки, но она не вздрогнула.

Тогда он с удивительной мягкостью положил ей руку на плечо и вздохнул, как человек, который может, наконец, говорить откровенно.

— Ну вот!

Она повернулась к нему всем телом. Она была спокойна. Ни одна морщинка не нарушала строгой гармонии ее лица.

Только на шее медленно, под действием какого-то таинственного внутреннего давления, чуть-чуть вздулась жилка.

Звуки рояля явственно доносились сюда, и можно было различить все слова «Песни Сольвейг»:

И ты ко мне вернешься,
Мой дорогой жених,
И будешь ты со мной...

И два светлых глаза искали глаза Мегрэ, в то время как губы, чуть было не раскрывшись в рыдании, застыли и окаменели, как и все ее существо.

Глава десятая

«ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ»

— Что вы здесь делаете?

Странная вещь, ее тон не был агрессивным. Анна смотрела на Мегрэ со страхом, может быть, даже с ужасом, но не с ненавистью.

— Вы слышали, что я сейчас сказал? Сегодня вечером я уезжаю. Мы с вами прожили несколько дней в довольно тесной близости...

И он смотрел вокруг, на кровати двух девушек, на шкуру белого медведя, служившую им ковром, на обои в розовых цветах, на зеркальный шкаф, в котором теперь отражались только ночные тени.

— Я не хотел уезжать, не поговорив с вами в последний раз...

Четырехугольник окна обрисовал как бы экран, на котором силуэт Анны вырисовывался все менее четко по мере того, как протекали минуты. И Мегрэ обратил внимание на одну деталь, которой он прежде не заметил. Еще час назад он не смог бы сказать, как она причесана. Теперь он это знал. Ее длинные волосы, туго заплетенные в косы, образовали тяжелый узел на затылке.

— Анна!— донесся голос мадам Питерс из коридора первого этажа.

Рояль замолк. В гостиной заметили их исчезновение.

— Да!.. Я здесь.

— Ты не видела комиссара?

— Он тоже здесь... Мы спускаемся...

Чтобы ответить матери, Анна подошла к двери. Теперь она вернулась к своему собеседнику, очень серьезная, устремив на него пристальный, трагический взгляд.

— Что вы хотите мне сказать?

— Вы это прекрасно знаете!

Она не отвернулась. По-прежнему впивалась в него взглядом, сложив руки на животе; в позе ее было что-то от старой женщины.

— Что вы собираетесь сделать?

— Я уже сказал вам: вернуться в Париж.

И тогда ее голос все же дрогнул:

— А я?

Впервые она проявила волнение. Она сама это заметила. И, конечно, чтобы превозмочь его, подошла к выключателю и зажгла свет.

Лампа с желтым шелковым абажуром освещала на полу только круг диаметром примерно в два метра.

— Я должен сначала задать вам один вопрос!— сказал Мегрэ.— Кто дал деньги? Нужно было действовать быстро, собрав эту сумму в несколько минут. Банк был закрыт. Вряд ли вы держите большие деньги дома. У вас нет телефона...

Минуты текли медленно. Над ними нависло тяжелое молчание.

И Мегрэ продолжал вдыхать эту спокойную атмосферу мещанской среды. Внизу угадывались тихие голоса. Доктор Ван де Веерт протянул к камину свои короткие толстые ножки. Жозеф и Маргарита молча

смотрели друг на друга, Машер, вероятно, терял терпение, а мадам Питерс взялась за какое-нибудь шитье или подливала в рюмки можжевеловую водку.

А комиссар все еще смотрел в светлые глаза Анны, которая, наконец, проговорила:

— Маргарита...

— У нее были деньги дома?

— Деньги и ценные бумаги. Она сама распоряжается той частью состояния, которая досталась ей от матери.

И Анна повторила:

— Что вы собираетесь делать?

В тот момент, когда она произносила эти слова, ее глаза увлажнились, но только на мгновение, так что Мегрэ мог подумать, что ошибся.

— А вы?

Этот вопрос беспрестанно звучал в их устах, и было ясно, что и тот и другая боялись перейти к главной теме разговора.

— Как вы завели Жермену Пьедбёф к себе в комнату?.. Подождите, не отвечайте сразу!.. В тот вечер она сама пришла к вам, чтобы справиться о Жозефе и потребовать деньги на содержание ребенка... Ее приняла ваша мать... Вы тоже вошли в лавку... Вы уже знали, что сейчас убьете ее?

— Да!

Теперь в ней не заметно было ни волнения, ни паники. Ясный голос.

— С каких пор вы это знали?

— Приблизительно месяц.

И Мегрэ сел на край кровати, кровати одной из девушек, Анны или Марии, провел рукой по лбу, глядя на обои, на фоне которых выделялась фигура его собеседницы.

Теперь можно было подумать, что она гордится своим поступком. Она принимала на себя всю ответственность за него. Она заявила, что действовала преднамеренно.

— Вы так сильно любите своего брата?

Он знал это. И не только Анна его любила. Не потому ли, что старый Питерс давно уже ничего не значил для своих близких? Три женщины, мать и две сестры, одинаково обожали этого молодого человека.

Он не был красив. Худой, черты лица неправильные. Его длинная фигура, большой нос, глаза, выражавшие усталость, внушали скуку.

И все-таки это было божество! И Маргарита также поклонялась ему, как божеству! Их всех словно охватила одна навязчивая идея, и можно было представить себе, как обе сестры, мать и кузина проводили послеполуденные часы в разговорах о нем.

— Я не хотела, чтобы он покончил с собой!

Тут Мегрэ чуть не обозлился. Он резко вскочил и стал шагать взад и вперед по комнате.

— Он это говорил?

— Если бы ему пришлось жениться на Жермене, он покончил бы с собой в день свадьбы...

Мегрэ не засмеялся, но резко пожал плечами. Он помнил о признаниях Жозефа, высказанных вчера вечером! Жозеф даже не знал, кого он собственно любит. Жозеф, который почти так же боялся Маргариты, как и Жермены Пьедбёф.

Но чтобы подольститься к своим сестрам, чтобы сохранить их восхищение, он старался принять романтический вид.

— Его жизнь была разбита.

Черт побери! Все это очень хорошо укладывалось в рамки «Песни Сольвейг»:

Но ты ко мне вернешься,
Мой дорогой жених...

И они все поддались этому. Они одурманили себя музыкой, поэзией и признаниями.

Хорош он был, этот жених, со своими плохо сшитыми пиджаками и близорукими глазами!

— Вы говорили с кем-нибудь о вашем намерении?

— Ни с кем!

— Даже ему не говорили?

— Ему тем более!

— И вы целый месяц держали у себя в комнате молоток? Постойте! Я начинаю понимать!

И тут у него захватило дух: его потрясла эта драма, в которой было столько трагического и в то же время мелкого.

Он едва осмеливался посмотреть на Анну, которая стояла неподвижно.

— Вам нельзя было попадаться, не так ли? Потому что тогда Жозеф не посмел бы жениться на Маргарите! Вы долго выбирали оружие. Револьвер производит слишком много шума! А так как Жермена никогда у вас ничего не ела, вы не могли воспользоваться ядом... Если бы вы не боялись оставить следы, вы бы ее задушили...

— Я об этом думала...

— Замолчите, ради бога!.. Вы пошли за молотком на какую-нибудь стройку. Ведь вы не так глупы, чтобы использовать молоток, который был у вас в доме... Под каким предлогом вы уговорили Жермену пойти с вами наверх?

И она равнодушно сказала, словно отвечая заученный урок:

— Она плакала в лавке... Эта женщина всегда плакала... Мать дала ей пятьдесят франков в счет месячного содержания ребенка... Я вышла вместе с ней... Обещала отдать ей остальное...

— И вы обе обошли дом в темноте... Вы вернулись в него через заднюю дверь и поднялись на второй этаж...

Он посмотрел на дверь и проговорил голосом, которому хотел придать твердость:

— Вы открыли дверь... Вы пропустили ее вперед... Молоток был наготове...

— Нет!

— Как нет?

— Я не сразу ударила ее... Может быть, у меня не хватило бы сме-

лости ударить... Не знаю... Но только эта девка сказала, глядя на кровать: «Это сюда к вам ходит мой брат?.. Вам везет: вы-то умеете делать так, чтобы не было детей».

Еще одна подробность, и тоже глупо, грязно обыденная!

— Сколько ударов вы ей нанесли?

— Два... Она сразу упала. Я затолкала ее под кровать...

— А потом вы спустились вниз, где сидели ваша мать, ваша сестра Мария и Маргарита, которая только что пришла.

— Мать была в кухне с отцом, молола кофе на завтрашнее утро...

— Ну так что же, Анна!— снова раздался голос мадам Питерс.— Инспектор собирается уходить.

На этот раз Мегрэ, перегнувшись через перила, ответил:

— Пусть подождет!

И снова закрыл дверь.

— Вы сказали обо всем вашей сестре и Маргарите?

—Нет! Но я знала, что должен приехать Жозеф... Мне не под силу было сделать то, что я должна была сделать. И я не хотела, чтобы брата видели в доме. Я велела Марии подождать его на набережной и предупредить, чтобы он не показывался и оставил свой мотоцикл как можно дальше...

— Мария удивилась?

— Она испугалась. Она ничего не понимала. Но почувствовала, что должна повиноваться... Маргарита сидела за роялем... Я попросила ее играть и петь... Потому что я знала — здесь, наверху, может быть шум...

— Это вам пришла в голову мысль о чане на крыше?

Он зажег трубку, которую перед тем машинально набил.

— Жозеф пришел к вам в комнату... Что он сказал, когда увидел?..

— Ничего! Он не понимал. Он с ужасом смотрел на меня. Он был почти неспособен помочь мне...

— Поднять тело, втащить его в слуховое окно и дотащить по карнизу до оцинкованного чана?— по лбу комиссара текли крупные капли пота. «Потрясающе!» — воскликнул он про себя.

— Если бы я не убила эту женщину, Жозефа теперь уже не было бы в живых.

— Когда вы сказали правду Марии?

— Никогда!.. Оба не посмели меня расспрашивать... Когда стало известно об исчезновении Жермены, она что-то заподозрила... С тех пор она и больна...

— А Маргарита?

— Если у нее и есть подозрения, она не хочет знать... Понимаете?

Понимал ли он! А мадам Питерс все ходила взад и вперед по дому, ничего не подозревая, и еще возмущалась обвинениями жителей Живе!

Что касается отца, то он только и делал, что курил трубку в своем плетеном кресле, в котором засыпал по два, а то и по три раза в день.

Жозеф показывался здесь как можно реже, уезжал в Нанси, предоставив сестре защищаться, как она сумеет.

А Мария мучилась, проводила дни в монастыре святой Урсулы и со

страхом ждала, что вечером, вернувшись домой, она узнает, что все открылось.

— Почему вы вытащили тело из чана?

— Оно бы в конце концов запахло... Я ждала три дня... В субботу, когда вернулся Жозеф, мы вдвоем перетащили его к Мёзе...

У Анны тоже проступили капельки пота, но не на лбу, а над верхней губой, где у нее пробивался пушок.

— Когда я поняла, что инспектор подозревает нас и с бешеным усердием ведет следствие, я подумала, что лучшее средство заставить замолчать людей — это самой обратиться в полицию... Если бы тело не нашли...

— ...дело положили бы под сукно!— продолжил он.

Мегрэ снова принялся шагать по комнате и добавил:

— Но только существовал речник, который видел, как вы бросали тело в воду, и выудил молоток и плащ...

Жерару Пьедбёфу он заявил, что может засвидетельствовать такие вещи, из-за которых Питерсов осудят, и в качестве награды за эти свидетельства получил две тысячи франков.

Однако он ничего не заявил, а обратился к Анне. И с ней тоже стал торговаться.

Он заявил ей, что если она ему ничего не даст, он донесет на нее. Если же она ему выплатит крупную сумму, он уедет из города. Таким образом, подозрения падут на него, и Питерсы от них очистятся.

Заплатила Маргарита! Надо было сделать это быстро! Мегрэ уже нашел молоток. Анна не могла выйти из лавки, не привлекая к себе внимания. Она передала речнику записку для Маргариты.

И немного позже та прибежала.

— Что случилось?.. Почему ты...

— Молчи!.. Сейчас приедет Жозеф... Вы скоро поженитесь...— сказала ей Анна.

А воздушная Маргарита ни о чем другом и не мечтала.

В субботу вечером в доме царила атмосфера разрядки. Опасность была предотвращена! Речник сбежал! Теперь важно было только, чтобы он не попался полиции!

— А так как вы боялись состояния вашей сестры Марии,— продолжал вслух Мегрэ,— вы посоветовали ей остаться в Намюре, притвориться больной или сказать, что она подвернула ногу...

Снова послышались звуки рояля, но на этот раз играли «Графа Люксембургского».

* * *

Отдавала ли себе Анна отчет в чудовищности своего поступка? Она оставалась совершенно спокойной. Она ждала. Ее взгляд был все так же прозрачен.

— Они там внизу будут беспокоиться!— сказала она.

— Правда! Пойдемте вниз!

Но она не двинулась с места. Она все стояла посреди комнаты, жестом останавливая своего собеседника.

— Что вы собираетесь делать?

— Я уже три раза сказал вам,— устало вздохнул Мегрэ.— Сегодня вечером я возвращаюсь в Париж.

— Но... как же...

— Остальное меня не касается! У меня здесь нет полномочий. Поговорите с инспектором Машером...

— А вы ему скажете?

Он не ответил. Он был уже на лестничной площадке. Он вдыхал сладкий, сдобный запах, стоящий во всем доме, и господствующий в нем аромат корицы вызывал у Мегрэ старые воспоминания.

Под дверью столовой виднелась полоска света. Ясно слышалась музыка.

Мегрэ толкнул дверь и удивился, что Анна, шагов которой он не слышал, вошла одновременно с ним.

— Что у вас там за заговор вдвоем?— спросил доктор Ван де Веерт, который только что закурил огромную сигару и сосал ее, как ребенок соску.

— Простите нас... Мадемуазель Анна справлялась у меня относительно одного путешествия, которое она, кажется, хочет на днях совершить...

Маргарита сразу перестала играть.

— Это правда, Анна?

— О! Не сейчас...

А мадам Питерс, которая не отрывалась от своего вязания, смотрела на них обоих с легкой тревогой.

— Я налила вам рюмку, господин комиссар... Я теперь знаю, что вы любите.

Машер с озабоченным видом наблюдал за своим коллегой, пытаясь угадать, что произошло.

Лицо Жозефа горело, так как он выпил подряд несколько рюмок можжевеловой. Глаза его блестели, руки беспокойно двигались.

— Хотите доставить мне удовольствие, мадемуазель Маргарита? Сыграйте в последний раз «Песню Сольвейг»...

И, обращаясь к Жозефу, добавил:

— Почему вы не переворачиваете ей страницы?

Это уже был садизм, как если бы он надавил языком на больной зуб.

С того места, где он стоял, облокотившись на камин, с рюмкой вина в руке, Мегрэ мог оглядеть всю гостиную, мадам Питерс, склонившуюся над столом и освещенную светом лампы, доктора Ван де Веерта, который курил, вытянув свои короткие ножки, Анну, стоявшую возле стены. А также Маргариту, которая играла и пела, сидя за роялем, и Жозефа, переворачивавшего ей страницы нот...

Рояль был покрыт вышитой скатертью, на которой стояло много фотографий: Жозеф, Мария и Анна, снятые детьми разного возраста...

И ты ко мне вернешься...

Но пристальнее всего комиссар наблюдал за Анной. Он еще не считал себя побежденным. На что-то надеялся, сам не зная, на что.

Если бы она хоть по-настоящему взволновалась! Может быть, он заметит, что губы ее подергиваются? Увидит слезы на ее глазах! Может быть, она вдруг порывисто выйдет из комнаты?..

Первый куплет закончился, но ничего подобного не произошло. Машер прошептал на ухо комиссару:

— Мы еще долго пробудем здесь?

— Несколько минут.

Во время этого краткого разговора Анна смотрела на них через стол, как бы желая удостовериться, что ей не грозит никакая опасность.

Со мною будешь жить...

И пока еще звучал последний аккорд, мадам Питерс шептала, склонившись седой головой над вязаньем:

— Я никогда никому не желала зла, но повторяю: бог ведает, что творит... Разве не ужасно было бы, если бы эти дети...

Она не закончила фразы, так как была очень взволнована, и смахнула слезу со щеки чулком, который вязала.

Анна, все такая же бесстрастная, стояла, устремив взгляд на комиссара; Машер начал терять терпение.

— Ну что ж!.. Извините меня, что я так сразу покину вас, но мой поезд уходит в семь часов и...

Все встали. Жозеф не знал, куда смотреть. Машер, запинаясь, нашел, наконец, ту фразу, которую должен был сказать, или нечто похожее.

— Мне очень жаль, что я подозревал вас... Но согласитесь, что, по всей видимости... И если бы тот речник не удрал...

— Ты проводишь наших гостей, Анна?

— Да, мама.

Таким образом, через лавку они прошли только втроем. Дверь ее была заперта на ключ по случаю воскресенья. Но там горела лампа, бросая отсветы на медные чаши весов.

Машер горячо пожал руку девушки.

— Еще раз прошу у вас прощения...

Мегрэ и Анна несколько секунд стояли друг против друга; наконец Анна пробормотала:

— Будьте спокойны... Я здесь не останусь...

В темноте, на набережной, Машер говорил без умолку, но Мегрэ слышал лишь обрывки его речи.

...поскольку имя виновного известно, я завтра возвращаюсь в Нанси...

«Что она этим хотела сказать?— думал комиссар.— «Я здесь не останусь...» Неужели у нее и в самом деле хватит мужества?..»

Он посмотрел на Мёзу, с берегов которой фонари бросали отсветы, искаженные волнами. Более яркий свет горел с другой стороны реки, во дворе завода, куда той ночью, как и всегда, старик Пьедбёф принесет картошку, которую будет печь в золе.

Они прошли мимо переулка. Света в доме не было.

Глава одиннадцатая

И СНОВА АННА

— Ты удачно провел дело?

Мадам Мегрэ удивилась, увидя своего мужа в таком плохом настроении. Она ощупывала пальто, которое только что помогла ему снять.

— Ты опять бродил под дождем!.. Когда-нибудь наживешь ревматизм, и хорош ты тогда будешь!.. Что это была за история? Преступление?

— Семейное дело!

— А девушка, которая к тебе приходила?

— Ну и девушка! Дай мне, пожалуйста, комнатные туфли.

— Ладно! Больше не буду задавать тебе вопросов. Во всяком случае, на эту тему. Ты хоть ел там прилично, в Живе?

— Не знаю...

Это была правда. Он почти не помнил, что он там ел.

— Угадай, что я тебе приготовила?

— Тартельки с ветчиной и яйцами.

Это нетрудно было угадать, учитывая, что весь дом был наполнен их ароматом.

— Ты хочешь есть?

— Да, милочка... Во всяком случае, сейчас захочу... Расскажи, как здесь дела... Кстати, с мебелью уладилось?

Почему, оглядывая свою столовую, он смотрел все время в один угол, где ничего не было? Он сам не отдавал себе в этом отчета, пока жена не сказала ему:

— Ты, кажется, что-то ищещь?

Тогда он громко воскликнул:

— Черт побери! Рояль...

— Какой рояль?

— Ничего... Тебе не понять... Твои тартельки просто удивительные.

— Какая я была бы эльзаска, если бы не умела их приготовить. Но только, если ты будешь так много есть, ты не оставишь мне ни кусочка... Ну а что касается рояля, то жильцы с пятого этажа...

* * *

Год спустя Мегрэ зашел в одну фирму, занимавшуюся экспортом, в связи с делом о фальшивых ассигнациях.

Обширные склады были набиты товарами, но конторы оказались маленькими и тесными.

— Я сейчас попрошу принести фальшивую ассигнацию, которую я обнаружил в пачке,— сказал хозяин, нажимая на кнопку звонка.

Мегрэ смотрел в сторону. Он неясно видел серую юбку, приближающуюся к столу, ноги, обтянутые черными чулками. Потом он поднял голову и несколько секунд стоял неподвижно, глядя на лицо, склонившееся над письменным столом.

— Благодарю вас, мадемуазель Анна!

И так как комиссар проводил секретаршу взглядом, негоциант объяснил:

— Она немного похожа на драгуна... Но лучшей секретарши не найти. Она выполняет работу за двоих служащих, это точно... Ведет всю корреспонденцию и еще находит время выполнять обязанности счетовода.

— Давно у вас служит?

— Около десяти месяцев.

— Она замужем?

— О нет! Это ее грех: равнодушие и даже неприязнь ко всем мужчинам... Однажды ко мне зашел один коллега: он попробовал в шутку ущипнуть ее за талию... Если бы вы видели, каким она его смерила взглядом... Она приходит в контору утром в восемь часов, иногда раньше... Вечером запирает двери...

— Вы мне позволите сказать ей несколько слов?

— Я сейчас позову ее.

— Нет, я хотел бы поговорить с ней в ее кабинете.

И Мегрэ прошел в застекленную дверь. Контора выходила во двор, заполненный грузовиками. И весь дом, казалось, дрожал от потока автобусов и машин, несущихся по улице Пуаоньер.

Анна была спокойна, как и только что, когда наклонилась над столом. Она была такая же, какую он ее знал год назад.

Года через два или три трудно будет определить ее возраст. Через десять лет она станет старой женщиной.

— Вы получаете известия от вашего брата?

Не отвечая, она повернула говову, машинально открывая и закрывая крышку бювара.

— Он женат?

Она утвердительно кивнула головой.

— Счастлив?

И тут слезы, которых так долго ждал Мегрэ, брызнули из ее глаз, горло у нее сжалось, и она бросила ему, как будто возлагала на него ответственность за все случившееся:

— Он начал пить... Маргарита ждет ребенка...

— А как его дела?

— Его кабинет не приносит никаких доходов. Ему пришлось поступить на службу в Реймсе...

И она в бешенстве, мелкими толчками, стала прикладывать к глазам носовой платок, чтобы осушить слезы.

— А Мария?

— Она умерла за неделю до того, как должна была постричься в монахини.

Зазвонил телефон, и Анна, подойдя к нему с блокнотом в руке, ответила совсем другим голосом:

— Да, господин Бормс... Хорошо... Завтра вечером... Я сейчас же пошлю телеграмму... По поводу груза шерсти я посылаю вам письмо с некоторыми замечаниями... Нет!.. У меня сейчас нет времени... Вы прочтете письмо...

Она положила трубку. Ее хозяин стоял на пороге, глядя поочередно то на нее, то на Мегрэ.

Комиссар вернулся в соседний кабинет.

— Что вы о ней скажете?.. А я еще не говорил вам о ее честности!.. Она до того щепетильна, что это просто граничит с глупостью...

— Где она живет?

— Не знаю... Или, вернее, я не знаю ее адреса, но мне известно, что она живет в меблированных комнатах для одиноких женщин, которые содержит какое-то благотворительное общество. Но... Послушайте... Вы начинаете меня пугать... Вы познакомились с ней, по крайней мере, не при исполнении своих служебных обязанностей?.. Это было бы немного тревожно...

— Не при исполнении моих служебных обязанностей,— медленно ответил Мегрэ.— Так мы говорили о том, что вы обнаружили эту ассигнацию в пачке...

Он прислушался к звукам, доносившимся из соседнего кабинета, где женский голос говорил по телефону:

— Нет, мсье, он занят! У телефона мадемуазель Анна... Да... Я в курсе дела...

СОДЕРЖАНИЕ

СИМЕНОН ЖОРЖ

Мегрэ у фламандцев

РОМАН

Редактор	*Н. Я. Бальшина.*
Корректор	*Ю. Н. Земченко,*
	Т. А. Суворова.
Технический редактор	*Н. В. Чернякова.*
Художник	*Д. С. Лебедихин.*

Сдано в набор 15.11.90. Подписано в печать 20.02.91. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,65.
Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 50 000. Заказ 001111. Цена 3 руб.

СП «Интербук», ТПО «Старт», 620083, г. Свердловск, ул. Ленина, 51, к. 110.
Ижевская республиканская типография.
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

3 РУБ.